

**ЗАПИСКИ
ПОЛКОВНИКА ВУТЬЕ**

О НЫНѢШНЕЙ ВОЙНѢ

ГРЕКОВЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ

Орестъ Сомовъ.

Съ пятью гравированными картинками и картою Греціи.

~~~~~  
**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.**  
~~~~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.**

1824.

Грав. от портрета Н. Вуинса.

Грав. Пондифора.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсданы были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. Августа 4 дня 1824 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

1773 491

ВГБЛИ

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ,
ОТЪ РУСКАГО ПЕРЕВОДЧИКА.

Читатели безъ сомнѣнія не будутъ недовольны мною, если я въ небольшой спашѣ знакомлю ихъ съ Сочинишелемъ сихъ Записокъ, и постараюсь по возможности дополнить то, чего онъ слегка только коснулся въ своемъ введеніи; а именно, приложу небольшое извѣстіе о состояніи наукъ и просвѣщенія въ нынѣшней Греціи. Первое займу я у Французскаго издашеля Записокъ Полковника Вупье, а второе изъ разныхъ Путешешешвенниковъ и Писашелей о нынѣшней Греціи, особливо жъ изъ сочиненія одного Грека, живущаго въ Парижѣ.

Г. Вупье имѣетъ 29 лѣтъ опыту. Опець его, занимая важную должность по военной части, о-

предѣлилъ его на шеснадцатомъ году въ морскую службу, съ тѣмъ, чѣмъ онъ сколько можно болѣе путешествовалъ. Пылкое воображеніе молодого Вупье скоро сдѣлало для него нравственною необходимостью путешествія, кошорыя сначала были для него просто удовольствіемъ. Онъ объѣхалъ разныя страны въ Америкѣ, и почти всю Европу: видѣлъ Англію, Голландію, Испанію, Италію, края, омываемые морями Сѣвернымъ и Балтійскимъ; но каждый разъ, спуская по возвращеніи на землю своей родины, говорилъ: „Для чего не идушь подышаешь воздухомъ чужеземнымъ тѣмъ, коимъ не нравятся нѣкоторые обычаи родной страны своей, и кошорые издали завидуютъ призракамъ ихъ пусклато невѣжества?“

Онъ обозрѣлъ Варварійскія владѣнія, Сирію, малую Азію, лишенную прежней славы Византію и несчаст-

ную Грецію, и сказалъ: „Небо моей
„ощизны не такъ ясно; но не подъ
„яснымъ только небомъ счастье че-
„ловѣческое!“

Онъ нашелъ, что Греки заслужи-
вають болѣе сожалѣнія, нежели пре-
зрѣнія; въ порокахъ, до коихъ они
унизились, видѣлъ онъ только но-
выя причины негодованія къ же-
стокимъ ихъ власпелинамъ, и не
подражалъ, подобно многимъ Пупе-
шеспвенникамъ, собаку, грызущей
палку, которая ее ушибла. Но сердце
его раскрылось для надежды, когда
онъ нашелъ простоту нравовъ съ
силою духа въ горцахъ Пелопонеза,
и печать древнихъ доблестей въ
опившѣ одного земледѣльца, копо-
рому онъ сдѣлалъ обидный вопросъ,
обманувшись сходствомъ его одеж-
ды съ Турецкою. „Я Хриспіанинъ!“
сказалъ Грекъ со вздохомъ, — и сле-
зы блеснули въ глазахъ его, обра-
щенныхъ къ небу, и рука его съ

судорожнымъ движеніемъ сжала орудіе, которымъ онъ воздѣлывалъ землю опцевъ своихъ.

Въ то время, какъ война Греческая вспыхнула, Г. Вушье претерпѣлъ шажку для сердца поперію. Жизнь ему спала прошивна, съ тѣхъ поръ какъ привязывавшія его къ ней узы распорглись. Увлеченъ будучи возвышенностію мыслей, которую внушаетъ уединеніе, онъ рѣшился пожертвовать собою и полетѣлъ подъ знамя Крестное: тамъ искалъ онъ смерти, но смерти славной. Въ сихъ сильныхъ потрясеніяхъ, среди золь, которыхъ и самое существованіе было ему неизвѣстно, онъ снова ожилъ духомъ; поприще, на которое повело его опчаяніе, продолжалъ онъ по обдуманной и твердой рѣшимости. Онъ думалъ, что настала минута избавить Европу отъ злобныхъ и погруженныхъ въ невѣжество Му-

сульманъ. Если онъ обманулся—кто будешь обвинять его въ семь заблужденіи?

Нѣсколько опличныхъ дѣлъ, о кошорыхъ только слегка упомянуто въ семь сочиненіи, гдѣ вписаны многіе славные подвиги другихъ; у мѣспа приведенныя замѣчанія, какъ о правленіи, такъ и о военныхъ дѣйствіяхъ; полезныя совѣты, показывающіе можеть бытъ преждевременную зрѣлость ума въ томъ, кто ихъ давалъ, — таковы были его права на леспныя опличія, которыми почтили его Греки. Довѣренность солданъ, уваженіе гражданъ, дружба военачальниковъ — таковы были искомья имъ награды.

Перейдемъ теперь къ другому предмету, именно, къ состоянію просвѣщенія въ Греціи до начала нынѣшней войны (*).

(*) Тѣ изъ Гг. Чипашелей, которые пожелають получить подробнѣйшія свѣдѣнія о семь пред-

Вообще дѣлають укоры Греческому народу, что съ потерей самобытности, потерялъ онъ и наслѣдственную любовь предковъ своихъ къ наукамъ и просвѣщенію. Укоры сіи не совсѣмъ справедливы: не имѣли ль Греки и въ среднихъ вѣкахъ мужей испинно - просвѣщенныхъ? Не могутъ ли они гордиться именами Фотія и Евпихія? Не ихъ ли соотечественниковъ призывалъ просвѣпитель Тосканы, Лоренцо Медичи, когда укоренялъ науки въ семъ краю Италіи? Даже въ первые вѣки Оптоманскаго владычества, въ Греціи оспавались еще мужи, опличные своею ученоспію, краснорѣчивые писатели на языкѣ Эллиновъ. Когда же, послѣ прехъвѣковыхъ успѣшеній и жеспокоспей, Турки какъ бы упомились и

мешъ, могутъ прочестъ напечатанную мною въ Сынѣ Отчечсшва на 1822 годъ статью: *О нынѣшнемъ состояніи Наукъ и Просвѣщенія въ Греціи* (Книж. 36, 37 и 38).

пресыпились пролиптою кровью, и Греки начали дышати свободнѣе, когда торговля ихъ оживилась — тогда они завели у себя училища и умножили число книгъ. Въ концѣ XVII столѣтія, училища въ Константинополѣ, Смирнѣ, Янинѣ и другихъ Греческихъ городахъ получили новое преобразование и были управляемы людьми знающими. Ново-греческій (Ромейскій) языкъ сдѣлался книжнымъ; но древній Эллинскій не былъ вовсе оставленъ.

Въ теченіе XVIII вѣка, Греки имѣли уже многихъ ученыхъ мужей и многія весьма хорошія училища. Назовемъ нѣкоторыхъ изъ сихъ мужей, не соблюдая въ хронологическомъ порядкѣ эпохи ихъ существованія. Одинъ Свяшишель, достигшій сана Патріарха Іерусалимскаго, сочинилъ въ началѣ того столѣтія первую Географію на Ново-греческомъ языкѣ и составилъ

первую Греческую ландкарту. Къ сему жъ періоду принадлежатъ имена Маврокордато и Кантемира. Архіепископъ Аѳинскій Мелетій, сочинилъ всеобщую Географію и Церковную Исторію на семь же языкъ. Знаменимый Евгеній Булгаръ основалъ славное училище на горѣ Аѳонской и самъ преподавалъ въ немъ разныя науки по новѣйшимъ методамъ; но подозрительные варвары принудили его искасть убожища въ Россіи. Кромѣ Церковной своей Исторіи, онъ извѣстенъ переводомъ на Греческій языкъ Виргилія, въ стихахъ Гомерическаго размѣра. Архіепископъ Никифоръ Θεοφoκi написалъ много книгъ на древнемъ языкѣ о Математикѣ, Географіи, Физикѣ, на новомъ же свои проповѣди и шворенія полемическія (*).

Славный и злополучный Ри-

(*) Ученые труды Преосвященнаго Евгенія Булгара, Никифора Θεοφoκi и многихъ другихъ Греческихъ Духовныхъ особъ, описаны по-

та напечаталъ въ Вѣнѣ Физику для народныхъ училищъ и другія свои сочиненія. Прокопій Москополійскій (что въ Египтѣ) издалъ Каталогъ Греческихъ Ученыхъ. Димитрій Пампересь, уроженецъ того же города, написалъ многія сочиненія, особенно же Комментарій на Щипъ Геркулесовъ, Гезіода, и до двухъ сотъ повѣстей. Великое число Словарей Эллинскаго и Ромейскаго языковъ, съ Итальянскимъ, Французскимъ и пр. и пр., принадлежащъ къ тому жъ вѣку, равно какъ и множество переводовъ важныхъ книгъ по части Наукъ и Словесности, съ разныхъ Европейскихъ языковъ, особенно же съ Итальянскаго и Французскаго.

дробнѣе въ *Историческомъ Словарь Духовныхъ Писателей Греко-россійскія Церкви*, изданномъ Преосвященнымъ Евгеніемъ, нынѣшнимъ Митрополитомъ Кіевскимъ. Сей весьма любопытной книги приготавливается еще полнѣйшее изданіе.

Съ половины прошедшаго столѣтія и до нынѣ, молодые Греки продолжали ѣздить въ разные Университеты Италіи, для образованія себя науками. Первый изъ Итальянскихъ городовъ, открывшихъ имъ сокровища познаній Европейскихъ, былъ Венеція; родственныя связи многихъ знашыхъ Греческихъ домовъ съ первоспешенными фамиліями Венеціанскими, весьма тому способствовали. Въ царствованіе Іосифа II, Греки начали также слушать курсы наукъ въ Вѣнѣ (*). Славный Падуанскій Университетъ имѣлъ, и теперь еще имѣетъ, въ числѣ лучшихъ своихъ Профессоровъ, Грековъ Кандіотскихъ и Іонійскихъ. Въ послѣдствіи, особливо же года за два до начала войны, Греческая нація содержала на своемъ иждиве-

(*) Въ Венеціи и Вѣнѣ Греки имѣли свои типографіи, въ которыхъ печатались ихъ классики, переводы ихъ съ языковъ Европейскихъ, Словари и другія собственныя сочиненія.

ніи болѣе двухъ сотъ молодыхъ Грековъ въ Университетахъ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи и Россіи (*). Надобно вообразить себѣ невѣроятныя затрудненія, преграды, полагаемыя Турецкимъ Правительствомъ и весьма важныя издержки, съ которыми сопряжено сіе отправленіе пишомцевъ къ чужіе края, чѣобы въ полной мѣрѣ оцѣнить напріющическія пожертвованія Мecenатовъ Греческихъ.

Въ разсужденіи училищъ, мы упомянемъ о слѣдующихъ, могущихъ до нѣкоторой степени замѣнить Европейскіе Университеты и Гимназіи. Главнѣйшія изъ нихъ суть: два училища въ Янинѣ, имѣющія довольно хорошія учебныя пособія; училище Аѳинское, въ которомъ подъ конецъ преподавали чешыре

(*) Два молодые Грека, уроженцы Морейскіе, лѣтъ за десять или болѣе предъ симъ, воспитывались въ Харьковскомъ Университетѣ.

отличные Профессора, образовавшіеся въ Университетахъ Италіи и Франціи; училище Хіосское, преобразованное лѣтъ за пятнадцать предъ симъ по совѣшу ученаго Грека Кораи (*) и болѣе всѣхъ прочихъ заслуживавшее вниманіе (**): кромѣ основательнаго обученія Математики, Физики, Химіи и другимъ наукамъ, кромѣ древняго и новаго Греческихъ языковъ, тамъ преподавались также языки Латинскій, Французскій, Итальянскій и Турецкій. Училище Смирнское, заведенное Господами Кума и Экономо; училище Константинопольское; училища на горахъ Аѳонской и Пеліонѣ; училища въ Яссахъ и Бухарестѣ, и пр. и пр. Прибавимъ, что за исключеніемъ помянутыхъ выс-

(*) Заслуги Г. Кораи въ Словесности столь извѣстны ученому свѣту, что я почелъ за излишнее о нихъ разпространяться.

(**) Теперь оно погибло съ разореніемъ сего несчастнаго острова.

шаго разряда учебныхъ заведеній, въ Греціи не находилось ни одного города, гдѣ бы не было училища и не преподавался древній Греческій языкъ, ни одной сколько нибудь значительной деревни, гдѣ бы не было учишеля, обучавшаго дѣшей чинашь и писашь. Въ послѣдніе годы между жишелями разныхъ Греческихъ обласпей поселилось благородное соревнованіе: повсюду старались улучшашь прежнія училища, или заводишь новыя.

Предъ наступленіемъ войны, Греки имѣли уже нѣсколько своихъ типографій въ самой Греціи. Они возобновили Бухареспскую, исправили Констанпинопольскую, и заведи двѣ новыя: одну на оспровѣ Хіо, а другую въ Кидоніи, что въ малой Азіи; не позабудемъ, что у нихъ были уже типографіи въ Венеціи и Вѣнѣ. Не удивительно, что съ сими пособіями напечащали они

споль много книгъ (*) и даже издавали пять журналовъ или періодическихъ сочиненій: три въ Вѣнѣ, одно въ Парижѣ и одно въ Лондонѣ, и тогда уже намѣревались издавать еще шестое, въ Бухарестѣ. Меркурій, издававшійся въ Вѣнѣ, не уступалъ даже многимъ періодическимъ изданіямъ ученой Европы.

Прививаніе коровьей оспы и взаимное обученіе равно съ великимъ успѣхомъ разпространялись въ Греціи.

Греки питали особенное благоговѣніе къ опцу Поэзіи Греческой, Гомеру. Они любили его до приспраспія и сами воспламенились чшненіемъ сего любимца Музъ. Небесный огонь, одушевлявшій Поэтовъ древней Греціи, снова разлился въ

(*) Книги сіи, кромѣ Классиковъ Греческихъ, состояли наиболѣе изъ переводовъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній. Довольно упомянуть о твореніяхъ Фоншенеля, Беккарія, Лаланда, Фуркруа, Тенара, Голдсмита и пр. и пр.

пламенныхъ и унылыхъ пѣсняхъ Риги, въ лирическихъ стихотвореніяхъ Анаспасія Хриспопуло, въ драматическихъ опытахъ Таковаки, въ саширахъ, дидактическихъ поэмахъ и эпопее *Діомидъ*, Г. Пердикори.

Изъ сего . слабаго и наскорѣ набросаннаго обозрѣнія Чишapedиувидяшъ, что Греки не только не разлюбили Музъ, но всегда прибѣгали забываяшъ тяжкое иго свое въ бесѣдѣ сихъ чиспыхъ дѣвъ. И чего не должнобъ было еще опъ нихъ ожидать при благопріядшнѣйшихъ обшояшeльспвахъ!

Оспаeшeя сказашъ нѣсколько словъ о поршрeшaxъ, приложенныхъ при сей книгѣ. Оные сняшы съ напуры самимъ Полковникомъ Вушье. Подъ однимъ изъ нихъ, вѣрояшно ошибкою, подписалъ онъ имя Капитана Георгія (Пeпини), между тѣмъ какъ тошъ же самый поршрeшъ, помѣ-

щенный въ изданномъ послѣ сихъ Записокъ сочиненіи Г. Пукевилля (*Histoire de la régénération de la Grèce*, tome 4), носитъ имя Конспантина Канари. Извѣстно, что Георгій Пепини, Идріотъ, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Имсаріотомъ Канари при сожженіи Греческаго флота; и по тому вѣроятно, что ошибка Г. Вушье произошла отъ сего же источника, то есть, что онъ смѣшалъ въ памятныхъ своихъ запискахъ имена и лица обоихъ героевъ. Я основываюсь на сочиненіи, напечатанномъ, какъ выше замѣчено, послѣ записокъ Г. Вушье, принявъ въ соображеніе, что Г. Пукевилль, зная лично Греческихъ вождей и при томъ имѣя передъ глазами книгу Г. Вушье, не могъ сдѣлать такой ошибки; тѣмъ болѣе, что и самъ Г. Вушье не возражалъ противъ сей перемѣны.

З А П И С К И

О НЫНѢШНЕЙ ВОЙНѢ

ГРЕКОВЪ.

Турки. — Взглядъ на причины возстанія Гре-
ковъ. — Происшествія до Сентября мѣсяца
1821 года.

Въ Алкоранѣ, въ главѣ *О Метѣ*, сказано:
„когда ты будешь съ невѣрными (*), уби-
„вай ихъ, рѣжь имъ головы, свяжи ихъ,
„брось ихъ въ огонь, содѣлай рабами и за-
„ключи въ шемницу, или возми съ нихъ о-
„купъ, какъ тебѣ заблагоразсудится; сло-
„вомъ, не давай имъ опдыха и не переспа-
„вай ихъ гнашь, доколѣ тебѣ не покоряш-

(*) Невѣрными, какъ извѣстно, называютъ Ма-
гомешане шѣхъ, кои не заражены ихъ лже-
вѣріемъ.

Часть I.

„ся.“ Въ эпихъ словахъ вся Исторія Турокъ, кошорымъ Алкоранъ замѣняетъ гражданскіе и политическіе законы. Все, чего сей успавъ не запрещаетъ, по мнѣнію Магомешанъ, законно; все, что онъ запрещаетъ, влечетъ за собою наказаніе. Что касается до случаевъ и дѣлъ, о коихъ онъ положишельно не говоритъ, то они предоспаваются на благоразуміе судьи и на выборъ, кошорый ему вздумается сдѣлать изъ разныхъ мнѣній шолковашелей Алкорана. А какъ сія книга наполнена болѣе повѣспованіями и набожными повшореніями, нежели законами и посшановленіями, и малое число сихъ послѣднихъ, въ ней находящееся, изложено весьма поверхностно; то Кади и Паши имѣютъ полную влассть судить по произволу, что для нихъ всего легче, ибо на ихъ суды нѣтъ иска и управы, при шомъ же они немедленно приводятъ ихъ въ исполненіе.

Со всѣмъ шѣмъ, множесство жалобъ и молва народная часшо наконецъ обличаютъ беззаконныя дѣла сихъ блюстителей закона, и шогда ихъ наказываютъ; но сіе позднее правосудіе не возвращаетъ имущесства

разореннымъ и жизни невиннымъ. Нѣтъ возможности пересмотрѣть такую бездну тяжебныхъ дѣлъ, кошорыхъ не записываютъ, и даже не пишутъ.

Всѣ дѣла рѣшались по словесному показанію свидѣтелей, и это есть неизчерпаемый источникъ плутовъ. Винаватый всегда находить за деньги этихъ угодливыхъ присяжниковъ. Ихъ можно найти для всякаго рода дѣлъ и за всякую цѣну; у нихъ даже есть свои маклеры и сводчики, кошорые предлагаютъ ихъ людямъ, въ нихъ нуждающимся.

Кади взводятъ подозрѣніе въ воровствахъ или смертоубійствахъ, или даже сами заставляють ихъ производить, дабы взыскивать пеню съ жителей того мѣста, гдѣ оныя случились.

Когда опредѣленіе сдѣлано, справедливо оно или несправедливо, но должно внести требуемую пеню пошъ же часъ, или въ самый короткій срокъ; иначе, неплательщиковъ сажаютъ въ тюрьму, или бьютъ палками по подошвамъ ногъ; должно однакожъ замѣнить, что число палочныхъ ударовъ никогда не превышаетъ пяти сотъ.

Такимъ образомъ . рѣшаюся всѣ уголовныя дѣла; деньги за все опивѣчающъ, и каково бы ни было пресупленіе, виновный шопчасъ бываетъ правъ, если ему еспъ чѣмъ заплашишь за свое оправданіе. Одни шолько бѣдняки наказываются по всей спрогоспи правосудія: въ эшой спранѣ казни сущесшвующъ не для пресупниковъ, а для несчастныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь надобно быть очень бѣдну, чшобы попасъ подъ опивѣтъ за смерпоубійсшво или за воровсшво. Какъ Паши и Кади всегда увѣрены въ полученіи хорошаго окупа за пролишую кровь, ибо въ случаѣ неприлики, они берутъ вязьки съ шого, предъ чѣмъ домомъ совершено пресупленіе,—шю они ни мало не забшяшся объ опысканіи и наказаніи виновныхъ. .

Тоже дѣлаешся и въ разсужденіи разбоевъ, производимыхъ по дорогамъ. Ошъ безнаказанноспи они споль часпы, чшю весьма неблагоразумно было бы ѣхашъ ошъ мѣсша до мѣсша безъ оружія и проводниковъ.

Правда, чшю Сераскиры объѣзжаютъ иногда обласпи для опысканія ненаказанныхъ

преспуплений; но сихъ великихъ судей шакже легко подкупишь, какъ и малыхъ: они шожє наказываюпгъ шолько шого, у кого нѣштъ денегъ для насыщєнія ихъ корышполюбїа. Къ шому же, здѣсь сущєспивуетъ пѣшнадцѣпи-лѣшняя давностъ, по прошєспви кошпорой, нєлзѣ уже ни кого прєслѣдоващъ за какое - бы шю ни было прєспупленїє.

Когда Паша или Кади осудили кого ни будь на смерщъ, шю Булукъ - бѣши ловишгъ перваго Хриштіанина (*) или Еврея, кошо-

(*) Въ началѣ смяшенїй, одинъ Грекъ былъ ночью схвачєнъ дозоромъ и прїведєнъ въ шюрму спѣраго Смирнскаго замка. Онъ думалъ, чшо его вѣрно умерщвляшгъ, когда Булукъ-бѣши сказалъ ему: задави эшою веревкой сихъ одиннадцѣпъ прєспупниковъ. Грекъ со спѣрахомъ повиновался. При пѣпшой жєрщвѣ, онъ почпи упалъ въ обморокъ и напрасно силился зашпануть роковой узєль; шогда Турецкой солдащъ ударилъ его палкою, говоря: „Негодѣй! дѣлай свое дѣло. — Ты самъ него-„дѣй! вскричалъ разгнѣванный Турецкій Офи-„церъ: развѣ мало, чшо сей. человѣкъ при-„нуждєнъ выполняшгъ шакую обязанностъ? а „шѣы еще смѣєшь его бишгъ! Пропѣгивай

рый ему попадется, и заставляя его исполнить приговоръ. А какъ на эшо нѣтъ особо опредѣленнаго мѣста, то судья назначаетъ оное обыкновенно передъ домомъ какого нибудь Грека, и хозяинъ дома къ большему своему огорченію долженъ еще по прошествіи трех-дневнаго срока заплащивъ окупъ, чѣмъ избавишься отъ сего опшительнаго зрѣлица.

Многимъ покажется такой рассказъ слишкомъ увеличеннымъ. И въ самомъ дѣлѣ, пусть спросятъ Европейцевъ, бывшихъ на Востокахъ: почти всѣ они, отъ любителя изящныхъ искусствъ, ходившаго осматривать развалины, до уничиженнаго купца, согласно признають добрыя качества въ Мусульманахъ. Эшо такъ и должно быть: они много ошомъ слышали и судили по одной наружности. И какъ моглибы они наблюдать нравы народа, оппоргающаго чужестранцевъ и гнушающагося самымъ именемъ Христіанина? Нѣкоторые путешественники, бывъ допущены къ Пашамъ, разхваливали ихъ обра-

„шею — и умри!“ — Турокъ протянулъ шею, и Грекъ долженъ былъ его давить.

Прил. Сог.

ищеніе, приписывая врожденной гордости и обычаям страны надменный и презрительный видъ, съ копорымъ ихъ принимали. Еслибъ они лучше знали Турецкіе обряды, упомишельныя привѣспвія и выисканную леспъ Турокъ къ шѣмъ особамъ, копорыхъ они уважаюпъ, ш. е. опъ копорыхъ они чего нибудь надѣюпся или боляпся, — тогда бы самолюбіе сихъ Путешеспвенниковъ не шолько не обольщалося, но даже оскорбилось бы такимъ пріемомъ.

Много шакже говорено было о геспепрїимспвѣ Турокъ: даже находили у нихъ нѣкопорые слѣды добродѣтелей праощеческихъ; я думаю, что нынѣ, сіи почпенныя мечшы должны быпъ оцѣнены по истинному ихъ доспоинспву. Я шакже въ путешеспвіяхъ своихъ бывалъ прїняпъ у Турецкихъ вельможъ; соспоянїе мое предспавляло мнѣ иногда случай съ ними познакомиться. Въ семъ полудикомъ краю, лишенномъ всѣхъ удобспвъ, копорымъ мы не чувспвуемъ цѣны опъ долговременной къ нимъ прївычки въ нашихъ образованныхъ спранахъ, я принужденъ былъ прїбѣгапъ къ эшимъ надменнымъ геспепрїимцамъ: они напередъ

разсчитывали, въ какую цѣну будетъ ожидаемый ими опъ меня и необходимый въ подобныхъ случаяхъ подарокъ, и вспрѣчали меня — по платью. Я долженъ былъ вышерпѣть опъ Турецкаго гостепріимства больше, нежели шѣ, коѣ выхваляли его не зная — и могъ опредѣлить наспоющую цѣну сему благодарнію. Пускай спранникъ несчастный или безпокровный явився съ испинною нуждою — презрѣніе бросишь ему на солому кусокъ шого самаго хлѣба, кощорый Турокъ шподь щедро раздаетъ спяямъ безпріюшныхъ своихъ собакъ (*). Будучи суровъ къ людямъ и благодаренъ къ живошнымъ, Турокъ всегда подаетъ милоспину изъ разсчешливоспи. Слѣпо вѣря, что и живошныя возспанутъ изъ мершвыхъ, онъ охотно дѣлаетъ имъ

(*) Извѣстно, что во всѣхъ Магомешанскихъ городахъ, собаки раздѣлены спаями въ каждой части города и кормятся на счепъ капипала, соспавляемаго изъ вкладовъ завѣщателей — пуспосвяшовъ. Сіи живошныя, привыкши во время убійспвъ въ Конспанпинополѣ и Смирнѣ, пипапся прупами жерпвъ, нападали на прохожихъ и грызли ихъ.

добро, въ надеждѣ, что въ день судный они засвидѣтельствуютъ предъ Богомъ о милосердіи пѣхъ, кои помогали имъ въ здѣшней жизни. Сіе спрание вѣрованіе воспрещаетъ ему также произвольно дѣлать зло скопамъ. Рассказываютъ, что одна собака всякой разъ была, слыша, какъ Муезынь съ минарета сзывалъ людей на молитву; къ этому побуждалъ ее унылый и протяжный крикъ сего челоука. Туркамъ, суевѣрнымъ, какъ они всегда бываютъ, весьма сіе не полюбилось; пущосвящцы начали говорить, что собака насмѣхается надъ молитвою и закономъ Магомешовымъ; однакожъ не смѣли убить ее, боясь прогнѣвить Бога; и уже по совѣщанію съ Кади и съ его позволенія собака была убита.

Я видѣлъ, какъ осужденные въ Аѣинахъ Турки, опасаясь недоспалка воды, весьма бережно спускали по веревкамъ со спѣхъ многешво ословъ, муловъ, лошадей, собакъ и проч., счищая за лучшее опадать ихъ Грекамъ, нежели умертвить.

Турки суевѣрны даже въ мѣлочныхъ дѣлахъ своей жизни и вѣрятъ предзнаменованіямъ. Выходя изъ дому, они всегда спуга-

юпть сперва правою ногою. Если первый встрѣпившійся имъ человекъ какой нибудь калѣка, кривой, хромоу, или полуумной и ш. п., шо они возвращающа домоу и уже цѣлоу день не выходящъ, ежели шолько новое гаданіе не общаетъ имъ съ другоу спороны лучшаго успѣха.

На сей конецъ они прибѣгающъ къ числамъ, въ кошорыхъ думаютъ найши вѣрное предвѣщаніе счастья или несчастья; и хошя ежедневные опыты доказываютъ имъ прошивное, но они никакъ не выходящъ изъ заблужденія. Это заблужденіе въ нихъ, такъ сказащъ, врождено, и съ нимъ всѣ они уми-рающъ.

У Мусульманъ естъ безчисленное множество способовъ гадать на числахъ; самое же обыкновенное гаданіе дѣлаешся чешками, кошорыя они безпрестанно перебирающъ въ рукахъ, счишая въ нихъ зерна.

Чашо также они загадываютъ по пѣнію и полешу пшницъ, лаю собакъ, вою шакаловъ, мяуканью кошекъ, словомъ, по родовымъ привычкамъ всѣхъ живошныхъ. Въ нѣкошорыхъ изъ нихъ Турки признающъ особую какою-шо силу, за что оказываютъ къ нимъ благого-

вѣніе, и даже нѣчто болѣе. На примѣръ, аиспъ почищается у нихъ любимую пищу ихъ Пророка (*) и другомъ Мусульманъ; каждый изъ нихъ радуется, видя, что аиспъ свилъ гнѣздо на его домѣ и не усомнился опмстивъ за смерть этой пищи смертью несчастнаго чужеземца, который убилъ ее по невѣдѣнію. По странному какому-то случаю, сія пища дѣйствительно покинула всѣ мѣста, откуда изгнаны ея покровители; не извѣстно, по причинѣ ли многочисленныхъ пожаровъ, или испугавшись пушечнаго грома, или по тому, что Греческіе солдаты иногда спрѣляли въ нее вмѣсто цѣли.

Что касается до планетъ, то ихъ Турки особенно чтятъ, вѣря несомнѣнно, что малѣйшія обстоятельство жизни зависятъ отъ ихъ печенія и сочетанія. Больше всего они уважаютъ луну, предполагая въ ней виновницу судьбы своей; они взяли ее себѣ въ знаменіе, и говорятъ, что ихъ Царство можетъ иногда уменьшаться и сгѣсняться, какъ луна; но не испребишся никакимъ переворотомъ.

(*) Лже-пророка Магомета.

Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ Турки обходящіяся съ женщинами, и пагубное опъ шого вліяніе на нравы. . . . Я шолько слегка коснусь сего предмета.

Турки могутъ имѣть въ одно время при рода женъ: законныхъ, взявшихъ на условіе и невольницъ.

Ошносишельно къ первымъ, Алкоранъ гла-
ситъ: „пойми себѣ въ жены шѣхъ, кошо-
„рыя шебя полюбашъ, двѣ, шри или чешы-
„ре. Если опасаеться, чшо не въ сосшоя-
„ніи будешъ содержащъ ихъ прилично шво-
„ему званію, возьми шолько одну, или до-
„вольшувуйся невольницами, копорыхъ при-
„обрѣтешъ. Ошо всего лучше, ибо симъ не
„оскорбишь Бога. (*).“

Жена должна во всемъ покоршвовашъ
волѣ своего мужа, должна о шомъ шолько
думашъ, какъ ему угодишь; если она сего
не исполняетъ, шо мужъ въ правѣ съ нею
развесшись. На сіе не нужно даже ни ка-
кихъ причинъ: довольно шого, чшо она ему
болѣе не нравицца. „Если опшвергнушья
„шобою жены беременны, говоритъ Алко-

(*) Такъ безшпыдно одобряетъ Алкоранъ ученіе
грубой чувственности!

„ранѣ, давай имъ необходимое, доколѣ онѣ
 „не разрѣшашся; ежели сами захопашъ кор-
 „мишь дѣшей своихъ, дай имъ присшойное
 „содержаніе; когда же сего не пожелаешь,
 „ощдай дѣшей кормилицѣ и заплаши ей за
 „шруды.,,

Жены также могутъ требовать развода
 въ трехъ случаяхъ: во первыхъ, если мужъ
 такъ жестоко съ ними поступаетъ, что
 онѣ находясь въ опасности о своей жизни;
 во вторыхъ, если онѣ не даетъ имъ ни
 пищи, ни одежды, а въ третьихъ, если онѣ
 пренебрегаетъ выполненіемъ супружескихъ
 обязанностей.

Бракъ по условію совершается безъ всякаго
 инаго обряда, кромѣ представленія къ
 Кади, копорому мужъ объявляетъ, что беретъ
 себѣ такую-то въ жены за сколько-то,
 и что разведясь съ нею, дастъ ей условленную
 цѣну. Сего рода бракъ не считается
 безчестнымъ, но не столь уваженъ,
 какъ законный; онъ болѣе шерпимъ, нежели
 одобряемъ.

Сожитіе Турокъ съ невольницами считается
 просто употребленіемъ въ пользу свою
 такого имущества, копорого они вла-

дѣльцы и полные господа. Въ сей увѣренности, Турки безсовѣстно пользуются своимъ правомъ надъ всѣми женщинами, попавшими въ ихъ руки, если только онѣ пригожи. Даже сословіе сихъ несчастныхъ не перемѣняется отъ сожительства съ своимъ господиномъ, коль скоро онѣ не родили отъ него дѣшей. Если дѣшей у нихъ не было, онѣ остаются по прежнему рабами и по смерти хозяина ихъ продаютъ, какъ домашнюю утварь.

Многіе писатели говорили о Туркахъ по наблюденіямъ, копорыя они дѣлали въ Констанцинополѣ и главныхъ городахъ Турціи: что сказали бы Французы о томъ, кто вздумалъ бы наблюдать въ Парижскомъ гульбищѣ Long-Champs обычай жителей Прованса или Брешани? Что ихъ должно разсматривать на самомъ мѣстѣ. То же и съ Турками. Тогда увидятъ ихъ, погруженныхъ въ самое грубое невѣжество и шунеядство: всѣ ихъ попеченія, все ихъ любопытство ограничивается только домашними дѣлами. Если жены ихъ пригожи, лошади хорошо выкормлены, а слуги всегда раболопно спятъ передъ ними — то имъ нѣтъ нужды до

того, что дѣлается въ свѣтѣ. Они по цѣлымъ днямъ просиживаютъ на софѣ, пьютъ кофе, курятъ шабакъ и распочають ласки своимъ женамъ и невольницамъ; шакъ что у нихъ, по словамъ Рабеле, *вѣчно ѣда, вѣчно питье и вѣчно тоже да тоже* (*).

Но если ведешь съ ними переговоры о какомъ-либо дѣлѣ, то увидишь, что подъ грубою наружносшью, они очень смѣшливы, памятливы и лукавы; будучи холодны и презрительны, они не показываютъ ни гнѣва, ни вспыльчивости, кака бы спросъ ихъ ни волновала. Только честолюбіе и зависть удобны ихъ выведетъ ихъ обыкновенной ихъ флегмы; и тогда, при наружномъ спокойствіи, они безпрестанно почти обдумываютъ средство къ истребленію своихъ враговъ или соперниковъ.

У нихъ два главные правила въ дѣлахъ, какъ частныхъ, шакъ и общественныхъ: никогда не говорятъ правды, даже въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ, и ни на что скоро не рѣшались, какіабы выгоды ни обѣщала

(*) *Toujours mangeades, toujours buvades, et toujours recommençades. Rabelais.*

поспѣшность въ дѣлѣ. Не спанемъ однакожь порицашъ сей системы: ибо доселѣ она доспавляла имъ успѣхъ въ сношеніяхъ дипломатическихъ, и чрезъ безконечное свое опсрочиваніе, они выигрывали у прошивной споронь многія успупки.

Здѣсь я оспанавливаюсь; ибо вѣрояпно мнѣ не удастся никого разувѣришь. Тѣ, которые привыкли думать иначе, спануть меня опровергають и по прежнему хваляють въ Туркахъ даже вѣрошперпѣніе, не замѣчая, что въ семъ случаѣ они хваляють Турокъ только за то, что они не сдѣлали еще больше злодѣйствъ, не будучи ни чѣмъ обузданы и удерживаемы. Имъ безъ сомнѣнія неизвѣстно, что ужасныя насилія и угнѣпенія производили каждый день новыхъ вѣрошспупниковъ. Греки, не взирая на удивительную ихъ швердосшь въ законѣ, скоро увидѣлибъ испребленіе Вѣры опцевъ своихъ, еслибъ эшопъ порядокъ дѣлъ еще продолжился (*). Нужно ли мнѣ, изъ тысячи дру-

(*) Сіе мнѣніе Автора мнѣ кажется слишкомъ смѣло и едва ли основательно. Чепырехсоп-
лѣшнее иго и припѣсненія не только не ослабили, но еще упвердили Грековъ въ пра-

гихъ примѣровъ, напомнимъ о Крисіскихъ Хурмуліяхъ, копорые, принуждены будучи принявъ законъ Магомешовъ, между собою шолько вспупали въ брачныя союзы, дабы имѣли возможность впайнѣ исповѣдывати Вѣру Хрисову, всегда ими душевно чшиму. За шо, съ какимъ священнымъ рвеніемъ присоединились они къ общему дѣлу Грековъ, подающему имъ способы цѣною достоянія и жизни своей искупити 'вынужденное вѣроошсупленіе!

Скажущъ на сіе, и справедливо, что Греки имѣли весьма много молебныхъ часовенъ; но прибавяшъ ли къ тому, сколько они плашили за право строити оныя алчнымъ властителямъ, копорые за золошо продали бы самихъ себя? Что же касаеця до Церквей, шо ни одной не было поспроено въ продолженіе цѣлаго вѣка; и шолько за большія пожертвованія, и при удобныхъ случаяхъ,

вославної ихъ Вѣрѣ; и сія святая Вѣра была, какъ многіе думаютъ, главною цѣлію ихъ спремленія къ низверженію ига зловѣрныхъ утѣснителей ея, и хоругвию ихъ соединенія.

Переводчикъ.

Греки могли получить позволеніе на возобновленіе вѣшкихъ своихъ храмовъ.

Звѣрское неисповѣсто пирановъ Греціи шаково, что Греки принуждены были ходишь въ Церковь до разсвѣша, дабы женщины ихъ не были замѣчены Турками. Только лѣность сихъ сластолюбцевъ была надежною порукою за спокойствіе опцевъ и супруговъ. Юность и красота были для дѣвицъ пагубными дарами природы, а для семействъ ихъ обыкновеннымъ испочникомъ вѣчныхъ горестей. Родители доведены были до того, что просили имъ опъ Бога безобразія и шѣлесныхъ недоспашковъ!

Есть люди, которые ищутъ шаинспвенныхъ причинъ въ самыхъ еспественныхъ событіяхъ, увлекаясь спраспю, или желая удивишь своею прозорливостью въ сближеніи шакихъ обспоятельствъ, кои ускользнули опъ вниманія людей обыкновенныхъ. Греки сбрасываютъ съ себя иго, спавшее для нихъ несноснымъ съ шой минушы, какъ они почувспвовали физическое и нравспвенное свое превосходство надъ полудикими завоевашелями, ихъ упѣснявшими. Уже чешыре вѣка они ежедневно видятъ себя въ спра-

хѣ лишишься достоянія, чести и Вѣры, и опшваживающіяся на все, чшобъ избавишься опъ сего положенія. Причины сіи весьма просны и ясны; Греки дѣйствовали толь-ко по собственному движенію, какъ бы по внушенію природы, и до сихъ поръ они употребляли въ дѣло толь-ко свои собственныя средства, сколь ни были оныя слабы. Они не болѣе обязаны благодарностью великодушнымъ защитникамъ законной власти и святой нашей Вѣры, какъ и шѣмъ, кои присвоивающъ себѣ имя *свободномыслящихъ* (*libéraux*). Правда, что они полагались на доброхотство всѣхъ вообще иностранцевъ, но надежды свои возлагали толь-ко на самихъ себя, и не безъ причины, сожалѣли о несчастныхъ обстоятельсшвахъ, въ кошорыхъ духъ паршій, не довольсшваясь шѣмъ, что удержалъ ихъ въ семъ великодушномъ стремленіи, искалъ еще покрыть поношеніемъ дѣло, по ихъ мнѣнію, самое правое.

Холодная расчетливосшъ снова явилась, когда жаръ, вдохновенный чистюю любовью къ челошечеству и пламенною любовью къ Вѣрѣ, казалось, долженствовалъ произсш-кать опъ божественнаго источника.

Кто осмѣлился впредь говорить о Вѣрѣ и добродѣтели, когда крестъ, возсіявшій снова на раменахъ Христіанъ, соблюдавшихъ первобытные нравы, — внушалъ только презрительную улыбку, или робкія и богохульные сужденія о его цвѣтѣ? Кровь людей была разложена и взвѣшена капля по капль.

По знаку мщенія всѣ Греки, отъ непокоряемыхъ горцевъ Тайгеша, Цинда, Олимпа и Парнасса, до крошечныхъ Месенійцевъ, трудолюбивыхъ Аргійцевъ и паспуховъ — Аркадянъ, всѣ обратили взоры на самихъ себя и на врага своего, и сіе сравненіе должно было влечь за собою его паденіе.

Не будемъ искаать постороннихъ причинъ возстанію Грековъ: истинная причина есть собственное ихъ положеніе. Разсмотримъ, что могло подвигнуть къ дерзновенному по наружности предпріятію такой народъ, который долженствовалъ быть униженъ долготѣшимъ рабствомъ, и подъ игомъ Турокъ! . . .

Греки, побѣжденные, но не порабощенные, неперпѣливо несли иго народа звѣрскаго, отъ котораго они совершенно отчуждены были Вѣрою, нравами и обычаями.

Ихъ считали за чужеземцевъ; изгнанники въ собственной странѣ своей, изъ всѣхъ правъ гражданскихъ они пользовались только правомъ жалкаго бытія, и то было предано на своепроизволіе мятежнаго и вѣчно вооруженнаго войска. Не смотря на ужасныя примѣры казней, возмущенія слѣдовали одно за другимъ почти непрерывно, и какъ бы возносили голосъ свой противъ такого завоеванія; но какъ сіи возмущенія были частныя и ободрялись только безплодными желаніями цѣлаго народа, то послѣдствія ихъ были всегда гибельны для несчастныхъ, доведенныхъ до сей крайности опечаленіемъ: то были красугольные камни новаго гражданского зданія.

Греки въ 1770 году воспали гораздо большими силами; Морю и многіе острова въ томъ участвовали. Но весьма слабыя способы не могли поддержать въ Грекахъ пылкой любви къ Отечеству — а она одна *дѣлаетъ чудеса*. Они были наконецъ жертвами свирѣпаго побѣдителя.

Морю была залита кровью; всѣ города ея разорены: двадцать тысячъ Христіанъ проданы въ рабство Варварійцамъ въ Азіи;

болѣ шеспидесяти тысячъ истреблено мечемъ. Албанцы помрачили побѣдные свои вѣнки неслыханными злодѣйствами и девять лѣтъ сряду имъ позволено было изшощать всю свою жестокость. Наконецъ Порша, ужаснувшись безлюдія и совершеннаго разоренія, грозившихъ лучшей ея области, послала противъ Албанцевъ славнаго Гасанъ-Пашу. Сей полководецъ скоро узналъ, что ему не лзя было смирить эти неисповыя орды безъ помощи горныхъ жипчелей той страны; по чему призвалъ ихъ къ оружію, доставилъ имъ военные снаряды, кляпвенно обѣщалъ имъ прощеніе за послѣдній мяшежъ и склонилъ ихъ на свою сторону обѣщаніемъ впредь лучшей участи.

Колокошпрони огласилъ кличемъ войны верхи Менала, и многочисленные его Клефши сошли съ ушесовъ своихъ по знаку мщенія. Албанцы, разбиые и разсѣянные по землѣ враждебной, глухо погибли подлѣ бесполезнаго своего оружія.

Одна горная пѣсня воспоминаетъ о ихъ бѣдствіяхъ и опчаяніи, когда они, преслѣдуемые неушомимымъ Колокошпрони, ишощенные, падала подъ бременемъ всѣхъ зодѣ

добычею помышленой жажды, оспановились на берегахъ Кериниша и вскричали: „О грозные Христіане! дайше храбрымъ напицъся „и послѣ ихъ убѣйше (*).“

Тогда жишели, уцѣлѣвшіе опъ гибели, опважились выйши изъ горнаго своего убѣжища и въздѣлывашъ землю между развалинами. Изъ среды полей, долгое время лежавшихъ впустѣ и зараженныхъ шолкимъ множесшвомъ шруповъ, возникла новая кара: моръ опустошалъ сію землю сряду пашъ лѣшъ, и несчастные, разсѣянные жишели думали шолько, какъ бы уйши изъ спраны, на кошорую казалось, обрушился весь гнѣвъ

(*) Побѣдоносный Колокопрони былъ чествуемъ Турками, кошорымъ онъ спасъ сію прекрасную обласъ; онъ напомнилъ льспивыя обѣщанія, данныя ему въ годину опасностей, и чрезъ то возбудилъ недовѣрчивосъ, неразлучную съ вѣроломсшвомъ Мусульманъ. Его схватили посредѣ пиршества, обременили цѣпями и уморили въ ужаснѣйшихъ мукахъ, какія шолько могли выдумашъ его палачи въ опмщеніе за его Споическую швердосъ. *Прим. Сот.*

Сей Колокопрони былъ отецъ нынѣшняго.

Прим. Руск. Перев.

небесный, когда для промышленности ихъ явилось новое средство сбывать свои произведения, и послѣдняя надежда еще привязала ихъ къ родинѣ.

Возгорѣлась война 1792 года; Франція должна была оставить Левантскую торговлю. Безпечный Мусульманъ чувствовалъ недоспашки — и недумалъ выйти изъ своего полусоннаго состоянія, когда мореходцы оспорововъ Идры и Спеціи рѣшили извѣдать новыхъ торговыхъ спекуляцій. На этомъ обширномъ полѣ для нихъ открылась богатая жатва: скоро золото полилось на ихъ скалы; они построили суда большей плыжести; и какъ ихъ понятія разпространились вмѣстѣ съ ихъ средствами, то они мало по малу завладѣли всею торговлею Средиземнаго моря. Они наполнили Итальянскія и Испанскія пристани драгоценными произведениями Азіи, а въ Марсели мѣняли Греческій хлѣбъ на сукна и Ліонскія шелковыя шкани. Такимъ образомъ, когда вся Франція спояла подъ ружьемъ, для нее воздѣлывались поля Мараѳона и Мантиней.

Но я говорилъ о Клефтіяхъ, а сихъ безопрашныхъ горцевъ почти не знаютъ въ

Европѣ. Да позволятъ мнѣ сдѣлать опшсупленіе, и познакомишь съ ними моихъ чипашелей. Посреди безпрерывно возраждавшихся опасностей, Клефши умѣли сохранить въ своихъ ушесахъ искру народной свободы: тамъ было послѣднее ея убѣжище, на которѣ несчастные Греки возводили свои взоры и шогда, когда чувствовали изнеможеніе всѣхъ силъ подъ бременемъ бѣдшвій и спраданій.

Имя *Клефти* (разбойникъ), данное симъ храбрымъ Турками, будетъ всегда именемъ славнымъ: въ спроу Эллиновъ, оно есть праведная причина гордосши и зависши. „Умолай верховнаго владыку швоего о милосердіи, писалъ Али-Паша Янинскій къ славному Ліако, удалившемуся въ горы Эпирскія: „припади къ ногамъ швоего Визиря, и онъ „просшишь тебя. Верховный владыка мой— „единъ Богъ Христіанскій! опшвчалъ Полководецъ: „Паша мнѣ — ружье, а Визирь — „сабля (*).“

(*) Собственные слова Ліако, сохранившіяся въ народной пѣснѣ.

Постоянно защищать честь своихъ семействъ и существованіе ужасное, но свободное, облегчать бѣдствія несчастныхъ своихъ собратьевъ (*), вести съ Турками войну на смерть — такова была благородная цѣль, къ которой стремились Клефши, ведя жизнь изгнанниковъ. Сіи великодушныя толпы полагали послѣдній оплотъ аччности и сластолюбію Мусульманъ.

Порша, всегда въ равной мѣрѣ слабая и вѣроломная, не могла ихъ унять, требовала отъ самихъ Христіанъ испребленія ихъ защитниковъ. Кровавая сѣкира была вознесена надъ главами Епископовъ и Примасовъ; доведенные до отчаянія, сіи несчастные умо-

(*) „Я сожгу себя и съ своимъ городомъ, — писалъ Колокопрони, достойный сынъ по-го, коего спрадальческій конецъ разсказалъ я выше, къ Сапрапу Коринескому, — „если „пы не уменьшишь свои приписанія Христіанамъ.““

У Колокопрони было только сто пятьдесятъ человѣкъ; но страхъ, внушенный его именемъ, былъ такъ великъ, что Кямиль-Бей преклонился на его угрозы.

Прим. Согин.

ляли Клефтіевъ удалишся и оставишь ихъ, можетъ быть, на не споль вѣрную смерть. Опважные со вздохами покинули сіи горы, сдѣлавшіяся имъ любезными по опасностямъ, кошорымъ они сполько лѣтъ подвергались, опчизну, кошорую они купили шолікими пожертвованіями, уединенную сосну, у подножія коей произнесли они первый вопль горести, и удалились на Іонійскіе острова, выжидая время, когда имъ снова можно будетъ вступитъ на поприще опасностей, не открывая себѣ онаго жертвованіемъ своихъ собратій.

Они служили въ спрою Французовъ, и поступили вмѣстѣ съ островами къ новому своему покровителю.

Начальниками сихъ богатырей, предъ которыми блѣднѣетъ слава баснословнаго Тезея, были: Колокошпрони (юные и храбрые — они не знали недовѣрчивости; двое изъ нихъ пали жертвами измѣнѣ), Пепимеза, Г. Анагношара, коего послѣ прозвали Неспоромъ воинства, Хризоспаи, особливо же бессмертный Захарія, опъ коего сряду двадцать семь лѣтъ прелепали робкіе изверги даже въ спѣнахъ своихъ гаремовъ. Слабый, защищен-

ный сими мужами, и шеперь еще плапишь имъ дань благодарности; а дѣвы Греціи вспоминають въ пѣсняхъ, по копорымъ водятъ плѣнншельные свои хороводы — подвиги Захаріи: онѣ прославляютъ даже *необыкновенную его скорость на бѣгу, предававшую сильной рукѣ его Турка, который послѣднюю свою надежду полагалъ въ быстромъ скоку рѣзвато коня своего.*

Симъ-шо новымъ Иракламъ, симъ-шо Вишязамъ Греціи, знаменишый и несчастный Рига (*), доспойная слезъ жершва полиши-

(*) Рига родился въ Фесалии около 1762 года; рано оставилъ онъ свою опчизну, гдѣ не могъ дышать свободно, и пошелъ въ училищахъ (Франціи и Италіи) почерпать знанія, коихъ чувствовалъ необходимость и кои хотѣлъ передать несчастнымъ своимъ единосемцамъ.

Онъ былъ опличный Математикъ и Литераторъ и писалъ прекрасные стихи; Муза его возвѣспитъ будущимъ племенамъ бѣдствія и неволю Греціи.

Въ переводѣ своемъ *Альпійской Пастушки*, онъ весьма удачно подражалъ пріятному и просподушному слогу Мармонтеля. Ему же обязаны ученые лучшею картою Греціи,

ки, напѣваль въ 1798 году изъ столицы Австріи, сладостныя и жалобныя свои пѣсни, часто опъзывавшіяся звуками Тирпея; ихъ-то онъ вопрошаль:

Ἔως ποῦτε, παλιχάρια,

Ἵπὰ ὄρη, καὶ βουνά, и пр.

„До коихъ поръ въ горахъ,

„До коихъ поръ въ лѣсахъ, и пр.“

Онъ умоляль ихъ соединиться и сойсти въ долины, для завоеванія полей и гробницъ опцевъ своихъ.

Будучи выданъ Турецкому послу, знаменитый сей спрадалецъ въ мукахъ погибъ въ Бѣлградѣ.

Конпиненшальная система и война Испанская доспавили Грекамъ средствъ умножить свое бла́госостояніе. Будучи опважны и предприимчивы, и при томъ опличные мореходцы, они всегда искусно проходили въ осажденные приспани, не смотря на Англійскихъ крейсеровъ, опъ копорыхъ они не разъ спасались шолько неимовѣрною своею опвагою.

До 1810 года, торговля ихъ была споль обширна, что шребовала учрежденія Греческихъ торговыхъ домовъ въ важнѣйшихъ го-

родахъ Европы. Имъ должно было спашь на ряду съ купцами, съ копорыми они торговали; для сего они посылали сыновей своихъ въ лучшіе Университеты Германіи, Франціи и Италіи. Сіи частыя сношенія съ Европою познакомили ихъ съ выгодами образованности; бѣдственное ихъ положеніе спало для нихъ тягостнѣе; но не надѣясь изъ онаго выйти, они искали только для себя пріятности жизни, приличныхъ ихъ сосполю. Скоро нравы начали смягчаться, вкусъ къ наукамъ и изящнымъ искусствамъ разпространился между Греками, и, ожидая своего благоденствія отъ времени и обстоятельствъ, они старались просвѣщать народъ свой. На сей конецъ учредили они высшія училища въ Аѣинахъ, Хіо, Айвали, Смирнѣ и даже въ Константинополѣ (*).

Знатнѣйшіе и богатѣйшіе изъ Грековъ сложились между собою, дабы послать на

(*) Два шаковыхъ училища находились въ Янинѣ: одно подъ смотрѣніемъ извѣстнаго Псалиды, и содержало въ себѣ до 100 учениковъ; а другое подъ надзоромъ Синьора Балано, въ немъ было 300 учащихся.

своемъ иждивеніи въ Европу молодыхъ людей, обиженныхъ дарами счастья, но щедро надѣленныхъ природными способностями. По окончаніи круга наукъ, они должны были возвратиться и занявъ мѣста Профессоровъ въ высшихъ училищахъ Греціи; на мѣста же ихъ назначено было посылать въ Европу другихъ пишомцевъ.

Легко можно понять, что сіи мѣры въ нѣсколько лѣтъ должны были произвести важныя перемѣны. Надобно предположить великой умъ въ тѣхъ, которые выдумали такой планъ, ежели непременно наспорятъ въ мнѣніи, будто бы Греки симъ путемъ ошмыскивали свободы своего опечесыва.

Таково было положеніе Грековъ, когда всеобщій миръ, раздѣля между всѣми Державами морскую торговлю, возвѣсшилъ Греческому народу, что онъ дошелъ до крайней черты своего благосостоянія и что съ сихъ поръ оно должно уменьшаться.

Порша, коей вниманіе было приковано извнѣ великимъ позорищемъ войны Европейской, съ удивленіемъ замѣтила перемѣну въ

своихъ Райяхъ (*)! Турки не оставили въ покоѣ училищъ: легко было предвидѣшь скорое ихъ уничиженіе. Съ тѣхъ поръ оспавалось только Грекамъ на выборъ: или снова и навсегда впасшь въ то состояніе, изъ котораго они хотѣли выйти, — или освободиться, во что бы ни спало. Они узнали, отъ какой крови произошли, и поклялись умереть или быть свободными.

Еще большее число молодыхъ людей отправлено было учиться художествамъ и ремесламъ; и чрезъ немногіе годы, Греція должнсповала имѣть собственнхъ своихъ типографщиковъ и бумажныхъ масперовъ, равно какъ собственнхъ своихъ публицистовъ, врачей, законовѣдцевъ, физиковъ и химисповъ.

Въ ожиданіи того, тайные агеншы, подъ названіемъ *Апостоловъ* (**), разсѣяны были по обласнямъ, дабы пригошовить умы ко

(*) Такъ называютъ Турки заживочныхъ и знапныхъ Грековъ.

Прим. Руск. Перев.

(**) Апостоль на Греческомъ языкѣ значить посланный.

Прим. Руск. Перев.

всеобщему возстанію. Тогда, только тогда обширный планъ заговора обнялъ всю Европейскую Турцію, и сей заговоръ долженъ былъ произвести въ ней важныя и неожиданныя перемѣны; но онъ былъ опкрытъ Олшоманскому Двору, и по неволѣ вспыхнулъ преждевременно, палъ. Полагаютъ, будто бы Англійское посольство въ Константинополь сообщило о томъ Дивану первыя извѣстія.

Тогда Александръ Ипсиланши, сынъ Господаря сего имени, обманувшись льстивыми обѣщаніями, думалъ, что не время долѣе опкладывать. Онъ ошибся въ причинѣ волненій, происшедшихъ въ Валахіи, и вступилъ въ Молдавію со множествомъ Арнаушовъ и небольшимъ опборнымъ корпусомъ юныхъ Грековъ, прибывшихъ изъ Европы. Онъ приѣхалъ въ Яссы 6 Марта 1821 года и тотчасъ подалъ знакъ возмущенія, разсѣявъ множество прокламацій, и въ послѣдствіи присоединилъ къ себѣ Теодора Владиміреско, начальника мятежа въ Валахіи. У сего была совсѣмъ иная цѣль: онъ желалъ только въ частности улучшенія жребія сей области, и кажется, помогалъ Ипсиланши въ его дѣйствіяхъ только

ко для того, чтобы вовлечь его въ погибель.

Сія жалкая война съ поспыдными своими раздорами и измѣнами, коими она кончилась, довольно всѣмъ извѣстна; и пошому я не оспановлюсь на ней долѣе (*), какъ на па-

(*) Я долженъ однакожь разсказать кончину Йоргаки, того неуспрашимаго воина, копорый схватилъ измѣнника Владиміреско посреди его пѣлохранипелей и предаль его заслуженной смерпи.

Оспавшись съ двумя спами воиновъ по разбиіи Ипсиланти, онъ держался еще цѣлое лѣто и самъ превожилъ многочисленныхъ своихъ непріятелей. Наконецъ, будучи принужденъ запереться въ одномъ Монастырѣ, безъ пуль и пѣснимый нѣсколькими пысячами Опшомановъ, онъ сказалъ окружавшей его малой дружинѣ опважныхъ: „Братья! „вручимъ себя милосердію Божию! черезъ „часъ насъ не будетъ на свѣтѣ.“ — Прощай, Капитанъ Йоргаки! вскричали они всѣ въ одинъ голосъ: „Мы хопимъ еще Турецкой крови!“ Они бросились въ толпу враговъ — и пали насыпая свою ненависть.

Турки ринулись тогда въ Монастырь; Йоргаки взорвалъ себя и ихъ на воздухъ.

Прим. Сог.

комъ эпизодъ, котораго все послѣдствіе было, что онъ оцвлекъ вниманіе Турокъ, заставя ихъ послать на Дунай всѣ свои военныя силы, находившіяся, тогда подъ ружьемъ и оставивъ оныя тамъ еще долгое время по усмирении сихъ областей; ибо, Турки не были совершенно разувѣрены о намѣреніяхъ Россіи.

Мяшежничество Али-Паши, котораго напрасно цѣлая арія осаждала въ Янинской его крѣпости, — раскрыло всю слабость Опшоманской Имперіи и подало надежду Грекамъ, коимъ сей лукавый Самранъ приговорно копѣлъ опдаться въ руки со всеми своими сокровищами. Оставленный своими Албанцами, онъ просилъ помощи у Армашоліевъ Эпирскихъ, а всего болѣе у Суліоповъ, избѣгнувшихъ отъ его свирѣдства и удалившихся въ Корфу. Онъ обѣщалъ имъ возвращить крѣпость Кяфу, скалу, окровавленную опчизну храбрыхъ, и дать имъ своего внука заложникомъ.

Суліопы въ минушу забыли его вѣроломство и звѣрство, и свои кляпвы мщенія: все умолкло предъ ненавистью къ Турецкой лунѣ! они дрались и поселили страхъ въ

станѣ Азіатцевъ. Марко Боццарисъ, ихъ начальникъ, прорѣзался до спавки одного изъ Пашей; имя героя поразило такимъ недоумѣніемъ спражей, окружавшихъ Пашу, что Боццарисъ вырвалъ у него оружіе и унесъ сей драгоцѣнный трофей сквозь толпу изумленныхъ невольниковъ.

Суліоты предлагали Али-Пашѣ ввѣсти въ крѣпость пять сотъ челоуѣкъ своихъ. Хуршидъ, предводитель осаждающей арміи, убоясь этого — ибо зналъ остріе сабли Суліотской — попрепятствовалъ принятію сего предложенія, доставивъ Али-Пашѣ перехваченныя имъ письма. Въ сихъ письмахъ изложено было, какимъ образомъ Суліоты должныствовали вести себя въ отношеніи къ мятежному Пашѣ: имъ совѣтовали никакъ ему не вѣрить, щадить его и даже служить ему, но только въ ожиданіи случая, когда можно будетъ опмститься за все его злодѣйства и захватить его казну, необходимую въ тѣхъ обшпоятельстввахъ, къ коимъ готповидась Греція. Тогда Али ясно увидѣлъ свое положеніе и опивѣчалъ Суліотамъ: „Дѣйти! да поможеть вамъ небо противъ общаго нашего врага; я же и безъ

„вась могу обороняшсья. . . . Спарыя змѣи
„всегда будуть спарыми змѣями (*).“

Еще прежде сихъ произшествій, Морейскіе Турки имѣли уже нѣкопорыя подозрѣнія о замышляемомъ заговорѣ; но ихъ успокоили и они почти спыдились, что опасались племени, ими презираемаго, какъ вдругъ вѣсть о мяшежѣ въ Валахіи оправдала ихъ подозрѣнія. Въ тоже время говорили о скоромъ прибытіи Россійскаго морскаго ополченія и сіе извѣстіе какъ бы подтвердилось появленіемъ эскадры Ипсаріошовъ, кошорая два дни сряду оглашалась въ эхахъ мыса Машапана звукомъ непрерывной своей пальбы. Сія спранная военная хипроспъ посяла спрахъ даже въ Туркахъ Миспры.

Жысли Тайгеша, не сомнѣваясь болѣе въ обѣщанномъ имъ пособіи, сошли съ горъ,

(*) Однакожь онъ не переспаваль думать, что Греки дѣйствовали для его выгодъ, пока Дагеръ-Абась, посланный въ Триполицу для переговоровъ съ вождями, не сказалъ ему: „Перестань обманывашсья, Али; я видѣлъ, крестъ на знаменахъ Христіанъ; они сражаются только за свою Вѣру и отечество.“

Прим. Сох.

какъ нѣкогда воины Пеласговы, и шолпы независимыхъ появились въ разныхъ мѣстахъ Пелопонеза. Колокошрони немедленно пришелъ съ острова Занна, вышелъ на берегъ съ семью человѣками въ приспани Коракосской и пошелъ въ горы, гдѣ молва его имени, раздававшаяся въ окрестностяхъ Каритены, мгновенно собрала вокругъ него двѣсти сорокъ воиновъ.

Риги не было на свѣтѣ; но память и пѣсни его жили у всѣхъ Грековъ. Они ждали только случая сбросить съ себя оковы.

Первое волненіе вспыхнуло 23 Марша 1821 года въ Калавришѣ, небольшомъ Ахайскомъ городкѣ — и восемьдесятъ находившихся тамъ Турокъ были схвачены безъ сопротивленія и заперты. Въ этотъ же день Пампрасъ, позорище кровавой битвы, былъ сожженъ. Побѣжденные Ошшоманы удалились въ крѣпость.

Сія волненія произошли неожиданно. Легко было бы Туркамъ, хотя въ маломъ числѣ, но хорошо вооруженнымъ, ушущимъ оныя, обезоруживъ жителей долинъ, кошорые оспаивались подъ ихъ властію. Великодушное самопожертвованіе нѣсколькихъ знаш-

ныхъ Грековъ споспѣшествовало замысламъ ихъ единоплеменниковъ. Они явились въ Триполи-цу и сказали Турецкимъ спаршинамъ: „Мы осподаемся въ ваши руки залогомъ повинности нашихъ братьевъ; не только вы не должны ихъ подозрѣвать, но должны положить на ихъ усилія къ истребленію мятежниковъ.“

Турки удержали ихъ аманатами; успокоенные шаковымъ поступкомъ людей, которые первые должны были знать объ умыслахъ Грековъ, они пренебрегли неоднократными извѣщеніями нѣкошорыхъ Англійскихъ лазутчиковъ и безпечно смотрѣли на сборища Грековъ, полагая, что оныя дѣлались для усмиренія мятежниковъ, на счетъ которыхъ успѣли ихъ увѣрить, что это разбойники, имѣвшіе въ виду одинъ грабежъ.

Въ это самое время, слабая или безоружная часть народа мало по малу утекала изъ ихъ рукъ и находила убѣжище въ горахъ. Тогда возстаніе сдѣлалось общимъ.

Колокошрони не отлагая времени писали къ Кіая-Бею: „Вы будете мнѣ осповѣствоваться, вы и Гаремъ Хуршидовъ, за священные залого, находящіеся въ вашихъ рукахъ.“

„если вы побѣдите въ начинающейся борь-
 „бѣ — то вамъ будетъ еще время насы-
 „пить свое мщеніе; когда же будете по-
 „бѣждены — мы всѣхъ васъ расперзаемъ на
 „могилахъ нашихъ заложниковъ.“ Сія угроза
 спрашнаго Клефши подѣйствовала. Не смо-
 тря на то, что каждый новый успѣхъ Эл-
 линовъ заспалялъ сабли сверкающія надъ го-
 ловами ихъ аманашовъ, — шѣ изъ великодуш-
 ныхъ сихъ гражданъ, кои не пали подъ бре-
 менемъ оковъ и въ ужасахъ пюремныхъ про-
 пасней, съ паденіемъ Триполицы явились сно-
 ва въ кругу своихъ собратій. Поспѣшимъ
 объявить ихъ имена: это были Ношара, Епи-
 скопъ Коринѣскій, и Анастасій, сынъ Мавро-
 михале.

Остановимся на минушу и посмотримъ,
 каково должно быть состояніе народа, ко-
 торый при столь зыбкихъ основаніяхъ явилъ
 такое рвеніе къ своему освобожденію, по-
 тогда какъ ужаснѣйшіе примѣры должны были
 отвращать его отъ сей мысли, тогда какъ
 вездѣ, куда ни обращалъ онъ взоры, — ви-
 дѣлъ только плачевные слѣды несбывшихся
 усилій и кости людей, покушавшихся на
 оныя.

Если бы съ самаго начала мяшежа, Турки опшважились держашься въ полѣ, не смоща на свою малочисленность, шо на ихъ споронѣ была бы весьма значительная выгода — дѣйствовать массами на толпы опдѣльные и безъ согласія между собою; одинъ спрахъ Турецкаго имени былъ еще споль силенъ, что сіи толпы не осмѣлились бы выйши изъ горъ для соединенія: но Турки имѣли шолько въ виду свое малое число и думали, что попались въ сѣпи. Ребяческій спрахъ овладѣлъ ими: они думали шолько, какъ бы укрышья въ укрѣпленныхъ городахъ и шполпились въ оныхъ безъ сѣспныхъ припасовъ и почти безъ военныхъ снарядовъ.

Сей неожиданный успѣхъ ободрилъ Грсковъ. Они вооружились всѣмъ, что шолько можешъ служишь орудіемъ ненависши, ничего не разсчитывающей, и овладѣвъ спраною, обложили крѣпости, кои одна за другою пали въ ихъ власшь, Они нашли шамъ оружіе — и научились имъ владѣть: до сей войны, половина можешъ бышь изъ нихъ ни разу не выспрѣлила изъ ружья.

Собраніе Морейскихъ Примасовъ спеклось въ Каламашу для приняшія нужнѣйшихъ въ

шакихъ общошательсвахъ мѣрь, а составленный въ Идрѣ Сенапъ распорядилъ дѣйствіями флотилліи, разходы коей хозяева судовъ приняли на себя. Одна эскадра послана была къ Тенедосу, между тѣмъ какъ самыя легкія на ходу суда должны были крейсировать для подорванія непріятельской торговли, или наскорѣ были отправлены къ приспаямъ Италіи и Франціи для закупки оружія и снарядовъ.

Греки узнали объ убійствахъ, производившихъ въ Конштаншинополѣ, Смирнѣ (*) и во всей малой Азіи. Позорная смерть Па-

(*) Меня увѣрялъ челоѣкъ достойный вѣры и самъ свидѣтель убійствъ, производившихъ въ Смирнѣ, что въ семь городѣ погибло при тысячи Грековъ, а двадцать тысячъ ушли изъ онаго.

За исключеніемъ небольшого числа тѣхъ, кои нашли средство отправиться во Францію и въ Италію, всѣ прочіе влечать бѣдственныя дни свои въ Пелопонезѣ и на островахъ Архипелага.

Азіатскіе Греки заплашили кровью за каждый успѣхъ возставшихъ своихъ единоплемениковъ.

Прим. Сог.

патріарха Григорія (*) и многихъ первосщенныхъ служителей Церкви, посѣла въ нихъ всеобщую горестъ, мѣсто коей заступила ярость и неутолимая жажда мщенія. Смертный саванъ, облекавшій останки спрадальца, былъ по часницамъ розданъ Грекамъ, и на сей драгоценной святынь поклялись они истребить племя пресупное.

Блаженный сей Священитель родился въ Морѣ и былъ шамъ почиасмъ за Свяшаго. Два раза онъ слагалъ съ себя санъ свой и приходилъ въ одеждѣ пусшынника утѣшалъ несчастныхъ своихъ собратій, укрѣпляя въ нихъ любовь къ Вѣрѣ благопворной,—и два раза былъ вызванъ изъ своего убѣжища Султаномъ, который умѣлъ цѣнить его доспоинства и употреблялъ въ пользу его влія-

(*) Тѣло сего Священителя (брошенное въ море и удивительнымъ образомъ спасенное) было погребено въ Одессѣ съ приличествующими его сану почестями. Христіанскія добродѣтели, украшавшія сего Патріарха, весьма хорошо изображены въ надгробномъ словѣ, произнесенномъ 19 Іюня 1821 года Пресвитеромъ Констанентиномъ, которое напечатано на Новогреческомъ языкѣ съ переводами на Россійскій и Нѣмецкій языки.

ніе, данное любовію, которую къ нему пи-
шала его пасыва.

Хошя описанныя мною здѣсь обстоятель-
ства нынѣ всѣмъ извѣстны, но я счелъ за
нужное оныя напомнишь, прежде нежели
присуплю къ повѣствованію о шѣхъ, ко-
ихъ я былъ очевидцемъ. Чшобъ судишь о
нихъ, должно мысленно перенеспись на мѣ-
сто дѣйствія.

Будучи совершенно увѣренъ, что не лзя
упомишь ничьего вниманія, говоря о Гре-
ціи, въ семъ сочиненіи я исключаю однакожь
опъ часши описанія развалинъ и древностей,
съ копорыми ознакомило меня долгоевре-
менное мое пребываніе въ шой спранѣ; равно какъ
и нѣкопорыя сближенія обстоятельствъ,
сдѣлавшіяся нынѣ бесполезными. Я распро-
спраняюсь только о томъ, что, по моему
мнѣнію, корощко знакомишь съ людьми, и
о томъ, чего опъ нихъ должно ждашь; о
спранѣ и ея способахъ. Въ нынѣшній кра-
снорѣчивый вѣкъ, я также можешь бышь
умѣль бы связашь нѣсколько фразъ; но мнѣ
кажешся, что истинѣ такой слогъ не при-
личенъ, и пошому я предпочелъ проспой и
корощкой разсказь обо всемъ, что видѣль,

и самыя примѣчанія помѣщаю въ шакомъ видѣ, какъ собралъ ихъ въ то время, не желая опинять у нихъ краски мѣстности. То, что Греки сдѣлали въ два года — говорятъ громче и вѣрнѣе, нежели пышное суесловіе.

Я начинаю крапкимъ описаніемъ Пелопонеза. Наблюденія мои по свойству ихъ относятся только къ тому, что меня окружаютъ: я, такъ сказать, *рекогносцирую* мѣста; подхожу смѣле — горизонтъ расширяется, я могу слѣдовать за дѣйствіями въ ихъ цѣлости и оканчиваю карпиную положенія и способовъ Греціи, ведущею къ заключенію о томъ, что она можетъ сдѣлать, извѣкая послѣдствія изъ того, что уже ею сдѣлано. Я самъ знаю, что это не Исторія; но запасы, могущіе съ пользою служить тогда, когда прійдетъ время писать настоящую Исторію. О, когдабъ и всѣ запасы были столь же достоверны! Счастливъ тотъ, кто удостоится совершить сей трудъ Историка!

Въ сей землѣ славы — все принадлежитъ Исторіи. Какъ знаменитые памятники ея опыскиваются среди своихъ развалинъ, такъ признается въ Грекахъ, согбенныхъ

подъ жаднымъ игомъ, но не до конца уни-
зившихся — разительное сходство съ ихъ
предками въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ и
обликѣ. Кто не умилился, найдя въ нихъ
то изящество мыслей и пылкое, блестящее
воображеніе, которыми создали изящныя ис-
кусства? Кто не полюбилъ въ нихъ даже
сего самолюбія, которое бросалось въ гла-
за, когда они были рабами; но будетъ по-
хвально, будетъ источникомъ великихъ дѣлъ,
когда они снова возродятся?

При невѣжествѣ ихъ — нынѣшняя война
вѣрно изображаетъ времена героическія.
Кто пройдетъ по симъ разореннымъ стра-
намъ, хоть подумаешь, что читаетъ Го-
мера и снова найдетъ хвастливыхъ его Ге-
роевъ, явно алчныхъ къ корысти и воспѣ-
вающихъ собственныя свои подвиги. Наши
Паликари (*) имѣютъ весь ихъ огонь, опи-

(*) Имя сіе дается опличнымъ воинамъ и со-
вокупляетъ въ себѣ понятія о храбрости,
пылкости и быспропѣ. *Прим. Соч.*

Въ собственномъ смыслѣ, оно отвѣчаетъ
Рускому слову *храбрецъ*, или Суворовскому
выраженію: *Чудо-Богатырь*.

Прим. Руск. Перев.

вагу, похвальныя качества и недоспашки. Они гошовалися къ бишвѣ, какъ на пиршество, спѣвають на нее съ пѣснями, осыпають проклятіями врага своего, побѣдивъ, топчуть его ногами и неудостоивають чести погребенія (*).

Но я довольно уже говорилъ для суешнаго любопытства; время показашъ главнѣйшія права Грековъ на славу, если только они оцѣнялись по достоинству.

Можно ли не удивляться, видя, съ какимъ благоговѣйнымъ самоопроверженіемъ соблюли они, среди шогликихъ потрясеній и бурь, народныя свои нравы и Вѣру, кошорая въ глазахъ ихъ власпединовъ была виною ихъ опечужденія? Чепыре вѣка шомились они въ неволѣ — и о нихъ судяють шполь шпрого, на мѣсто чшобъ удивляться, что въ семь сосшояніи могли они сохранить какія либо добродѣтели. Я не боюсь суда шѣхъ, кои судяють безприсшрасшно, и скажу смѣло, что

(*) Часшо мнѣ случалось видѣть, что Эллинъ, сбивъ съ ногъ своего непріятели, шопталъ его пяшою, крестясь и произнося кликъ свободы.

никакой народъ, можетъ быть, не пережилъ бы шолкихъ золъ. Крѣпкая и покорная воля Провидѣнія ихъ Вѣра была для нихъ ковчегомъ спасенія.

Нѣкоторые люди, по личнымъ своимъ годамъ, съ завистью смопрѣли на ихъ рождающееся благосостояніе и старались очернить ихъ въ общемъ мнѣніи. Они винили Грековъ за лживость и лукавство; но сіи пороки — суть пороки рабовъ: они исчезнутъ въ одно время съ званіемъ, несовмѣстнымъ съ благородными чувствованіями. Если слушаешь помянутыхъ людей, то Греки также трусливы и низки; кажется, они совершенно оправдались въ этомъ обвиненіи, которое заставляешь невыгодно судить объ обвиняемыхъ. Правда, что богатый и облеченный въ нѣкоторую власъ Грекъ Азіатскій — низокъ и гордъ: онъ имѣетъ все пороки Турокъ; но должно ли смѣшивать всю націю съ сими оппавшими созданіями?

Я могъ бы обнаружить сихъ цѣнителей и обратишь на нихъ презрѣніе, котораго заслуживаютъ клеветники: путешествія мои по Востоку доставили мнѣ средства узнать сей родъ колонистовъ, и проникнуть въ

презришельные виды и ненавистныя. спра-
 ши, по большей части ими управляюще:
 но я лучше хочу молчать. Кто не почув-
 ствуетъ, что сколь низко было оскорблять
 Грековъ въ несчастіи, столь же смѣшно
 нападать на нихъ тогда, когда они вступи-
 ли въ новое поприще подъ такими счастли-
 выми предзнаменованіями?

Отъездъ изъ Марсели. — Идра. — прибытіе въ
Астро. — Бубудина.

Возвратившись въ опечесство послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Греціи, замѣнилъ я съ удивленіемъ, что въ общемъ мнѣніи о новѣйшихъ доспомятыхъ произшествіяхъ въ сей знаменишой спранѣ, господствуютъ самыя ложныя понятія и спранные предразсудки. Желая предспавить въ почномъ ихъ видѣ случаи и харакперы, обезображиваемые духомъ парпій, рѣшился я привести въ порядокъ и напечатать мои записки.

Не имѣя познаній и таланшовъ, нужныхъ Испорику, постараюсь замѣнить сей недоспапокъ спрогою любовью къ истинѣ и почнымъ изображеніемъ произшествій, въ коихъ я участвовалъ, или былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Не спану украшать моего повѣспованія вымыслами и цвѣшками краснорѣчія, не спану предспавлять случаевъ и дѣлъ въ иномъ, лучшемъ видѣ, но буду опкровенно описывать и хорошее и дурное, желая продолжать *перомъ* службу, начашую *мпагою*.

Я никогда не былъ изскупленнымъ любилелемъ необузданной вольности. Всѣ удивлялись, видя, что я оставилъ спокойную свою жизнь и друзей и отправился въ опустошенный край, встрѣчая опасности свирѣпой войны. Одни меня хвалили, другіе осуждали — всѣ обманывались. Чтобы судить о дѣяніяхъ людей, должно проникнуть въ ихъ душу.

Готовясь къ долговременному, какъ должно было ожидать, отсутствію изъ общества, познакомился я въ Парижѣ съ Г. Г***, богатымъ Шотландцемъ, который изъ подобныхъ моимъ побужденій, покинулъ жену свою и всѣ приманки роскоши. Скоро мы подружились; и не смотря на несходство нашихъ нравовъ, дружба наша съ каждымъ днемъ спланивалась тѣснѣе. Явный врагъ мяшежей и переворошовъ политическихъ, Г. Г*** былъ ревностнымъ защитникомъ власти законной; любилъ удовольствія и спокойствіе жизни. Спрашась даже мысли, что предпріятіе, въ которомъ онъ намѣревался участвовать, можетъ почестся мяшежемъ, онъ едва успокаивался числомъ своихъ побужденій и клятвою — повѣсить послѣ сей.

войны шпагу свою въ добычу ржавчины, и ни для чего не вынимашъ ее изъ ноженъ, кромѣ зацѣпы своего опечесства. Но проведши нѣсколько лѣтъ въ путешесствіяхъ по Воспочнымъ спранамъ, онъ судилъ объ усиліяхъ Грековъ иначе, нежели шѣ, копорымъ обспояпельсства ихъ не споль были извѣспны.

Мы выѣхали изъ Марсели 1 Августа 1821 года, взявъ съ собою около тысячи ружей. Съ нами опсправилось нѣсколько молодыхъ Грековъ, оспавившихъ на время занятія Науками въ Европейскихъ Училищахъ, чшобъ принявъ учаспіе въ брани за опечесство. Въ Генуѣ купили мы шри гаубицы: сіи орудія способнѣе всѣхъ прочихъ въ шѣхъ спранахъ. На счаспливомъ плаваніи, привѣтспвовали мы вскорѣ вершины Тайгеша, послѣдняго прибѣжища Греческой независимоспи. Жшпели сей горисшой спраны долгое время управляемы были Беемъ, избраннымъ изъ Грековъ, и шолько плашили Туркамъ небольшую дань. По оспавленіи Россіянами Морей (въ 1770 г.), Занешшо-Кушудфари исходашайспшвовалъ для единосемцевъ своихъ сіе премущесство, доказавъ Турецкому Полководцу

Гассану-Пашѣ, что для совершеннаго покоренія сихъ горныхъ поселянъ, должно пролишь рѣки крови, и что гораздо выгѣднѣе будешь дать имъ въ начальники ихъ земляка и единовѣрца, который спанешъ управляль ими лучше и спокойнѣе. Въ началѣ нынѣшняго возстанія Грековъ, управляль сею спраною Пешрѣ Мавромихалѣ: сему случаю обязанъ онъ важною ролю, которую играешъ въ шеперешнихъ обсподшельспвахъ.

Мы проплыли мимо Лаконскаго залива, въ который изливается рѣка Эвропась, соспавляющая воспочную границу земли Майноповъ; восхищались карпиною высокихъ, вѣчнымъ снѣгомъ покрыспыхъ горъ, и оригинальною Архишпекшурою домовъ въ прибрежныхъ деревняхъ: всѣ они соспоянъ изъ небольшихъ чешвероугольныхъ башенъ, для защиты отъ разбойниковъ. Ужасное зрѣлище, доспойное начало шѣхъ явленій, которыя въ послѣдспвіи мы должны были видѣшь, предспавилось нашимъ глазамъ: обезглавленный шрупъ, добыча площадныхъ шпщъ, плавалъ по водѣ. Моженъ бышь сей несчастный былъ увлеченъ изъ средины, Азии по гла-

су своихъ мучителей; можетъ быть дѣпи изчисляли дни его ошосушствія!

Къ ночи, морская пишина заспигла насъ между ненаселеннымъ оспровомъ Серби, и споль же безплоднымъ оспровомъ Цериго (Циперою). Благоразуміе требовало взять предоспорожности; мы зарядили свои орудія,

Мы еще разговаривали о грустной нашей встрѣчѣ и объ ужасахъ сей войны, когда услышали пѣніе, мѣшавшееся съ тихимъ ропотомъ моря, котораго волны дробились о берега. Мимо насъ проплыла каяка и подъ мѣрный шумъ ея веслъ пѣніе слышалось явспвеннѣе: эшо была пѣснь любви — и Греки славили ушѣхи! . . . Сколькo разъ послѣ того, сія веселость, происпекающая ошъ свойошвеннаго Грекамъ легкомыслія, казалась мнѣ неумѣспною! Она наводитъ пюску, какъ улыбка на успахъ умирающаго.

1 Сентября прибыли мы на Идру. Сей оспровъ, прославившійся въ наше время, состоишъ изъ голаго, едва приспуннаго ушеса. Силою промышленности превращилъ оный въ средоточіе Архипелажской шорговли и богашства: нынѣ можетъ онъ назвашъ ся палладіумомъ Греціи. —

Городъ возвышается амфитеатромъ надъ двумя заливами, копорые служатъ ему вмѣсто гавани. Дома выстроены прекрасно, и по большей части украшены Италіянскимъ мраморомъ. Наружный ихъ видъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ вкусѣ Идріотовъ, копорые вообще весьма опрятны, одѣваясь красиво и даже великолѣпно; простые маэстрсы ходятъ въ одеждѣ яркихъ цвѣтовъ. Но женщины въ нарядахъ своихъ весьма ограничены: за нѣсколько лѣтъ предъ симъ начальники (Примасы) острова запретили носитьъ драгоценныя каменья и платье какого либо цвѣта кромѣ чернаго, для удержанія роскоши, распространившейся между низшими сословіями народа. Впрочемъ должно отдатьъ справедливостъ прекраснымъ и скромнымъ Идріоткамъ: онѣ знаютъ, что жена должна нравиться только своему мужу, живутъ тихо въ нѣдрахъ своихъ семействъ, по обычаю Воспока, въ опідѣльныхъ шермахъ, и никогда не показываясь при чужихъ. Мужья ихъ, люди простые и добродушные, приняли насъ съ ласкою и усердіемъ; но вопросы ихъ о Лордѣ Гильфордѣ и о моемъ спутникѣ показывали, что они подозрѣвали, не имѣемъ ли мы ка-

кихъ либо поспороннихъ намѣреній. Тоже самое было повпорено и съ другимъ Англичаниномъ, Г. Гаспингсомъ, копорый прибыль, какъ и мы, съ добрыми намѣреніями.

Флошъ возвратился въ гавань, оспавя Турецкую эскадру близъ береговъ Малой Азіи. Причиною его возвращенія были безпорядки, произведенные маппросами, по случаю шребованія ими жалованья. „Какъ! мы попомъ „и кровью помогали нашимъ Примасамъ раз- „жишься, кричали они: а шецерь они насъ „оспавляющъ въ бѣдноти за то, что ихъ „шорговля оспановилась и что мы имъ по- „лезны только временно! . . . Имъ должно „содержащъ насъ и наши семейства.“

Сии необдуманная рѣчи были внушены однимъ дерзкимъ человекомъ, копорого маппросы весьма уважали; но люди богашые принуждены были сложиться между собою и раздашь нѣкопоруую сумму денегъ народу. Казалось, что Примасы уже скучали симъ положеніемъ дѣль, копорое подвергало ихъ значительнымъ расходамъ, и не знали, что начашъ. Бывъ увѣрены, что промышленность ихъ вездѣ найдетъ себѣ опчизну, они могли бы рѣшиться, ко вреду Греціи, оспа-

вишь сію спрану. На лицахъ ихъ были написаны безпокойство и опасенія; а народъ смѣялся, пѣлъ и не думалъ о завѣренномъ днѣ.

Начальники города просили меня сказать имъ мнѣніе мое о двухъ башшаряхъ, построенныхъ при входѣ въ гавань. Онѣ казались мнѣ вообще хорошо устроенными, кромѣ одной неважной перемѣны, кошорая и была сдѣлана по моему предложенію. Я научилъ ихъ метать бомбы, и сообщилъ новый родъ брандсугелей, кошорыми они въ послѣдствіи удачно пользовались.

Привожу сіи подробности, какъ и нѣкоторыя другія въ послѣдствіи, отнюдь не для того, чшобъ говорить о самомъ себѣ, но чшобъ показать, сколь несвѣдуци были Греки въ военномъ дѣлѣ, при началѣ сей войны: должно обращать вниманіе на сіе обстоятельство, чшобъ оцѣнить надлежащимъ образомъ то, что ими совершено въ сіе время.

4 Сентября отправились мы съ Идры на галерѣ, данной намъ Капшпаномъ Томбази, и на другой день вышли на берегъ при деревнѣ Аспро въ Аркадіи. О приѣздѣ нашемъ

было сказано. Старосша селенія вспрѣпили насъ на берегу и привелъ въ свой домъ, не за долго предъ шѣмъ принадлежавшій Турецкому Агѣ. Подъ власшю Ошпомановъ, въ каждомъ селеніи, въ каждой деревушкѣ былъ власпелинъ, копорый, дабы содержать въ подданствѣ бѣдныхъ жишелей, поселялся въ шакъ называемомъ *Пиргосѣ*, или домѣ, могущемъ выдерживать нападенія свободныхъ горцевъ, кои нерѣдко собравшись толпами, дѣлали набѣги на Турецкія селенія. *Пиргосы* сушъ большія, зубчатыя башни, на копорыя всходишь должно по лѣсницѣ въ двадцать или тридцать ступеней, сдѣланной снаружи и опдѣляющейсѧ отъ башни подъемнымъ мостомъ. Стѣны ихъ споль шолсны, что выдерживають удары пушечныхъ ядеръ, чему самъ я бывалъ очевидцемъ.

Намъ пригошвили обѣдъ; мы уѣлись въ кружокъ, подогнувъ подъ собою накрестъ ноги; подали цѣлаго жаренаго барана, копорого хозяинъ нашъ разрѣзалъ запкнутымъ у него за поясъ япаганомъ. Круговая чаша безпрестанно ходила изъ рукъ въ руки; и не смощря на горечь вина, *пресыщеннаго* смолою для предохраненія отъ пор-

чи, мы пили за независимость Грековъ и весело начали сей новый для насъ образъ жизни.

Здѣсь увидѣли мы знаменитую Спеціонку Бубулину, коей суда въ то время блокировали Анапли (*). Она пріѣхала въ Асцро для того, чѣмъ насъ въспрѣлпшъ и привѣщспвовашъ. Ей опъ роду сорокъ лѣтъ, но она еще очень хороша собою, и въ обхожденіи ловка и развязна. Она усердно смѣялась, слыша опъ насъ, чѣмъ о ней много шолкуюшъ въ Парижѣ, и продаюшъ ея портреты, на которыхъ она предспавдена вооруженною псполошпями и большою саблею. Она оппюдь не Амазонка, но благородспвомъ души и пламенной любовью къ опечеспву уподобляешся древнимъ Спаршанкамъ. Мужъ ея за нѣсколько лѣтъ предъ симъ умерщвленъ въ Конспаншпнополь, а спаршій сынъ убитъ въ началъ нынѣшней войны. Она привела къ намъ младшаго: двѣнадцати-лѣтній воинъ сей, какъ

(*) Турецкое имя города, который Греки называютъ *Навплиа*, а Итальянцы — *Наполи-ди-Романіа*.

видно было, привыкъ уже носить тяжкое
оружіе. Онъ съ удивительною мѣткостью
спрѣлалъ изъ своихъ пистолетовъ и ружья,
попомъ, перецѣдовавъ насъ, вскочилъ на сво-
его коня и стрѣлою исчезъ изъ нашихъ об-
вороженныхъ глазъ.

ПРИБЫТІЕ въ станъ Эллиновъ. — Димитрій Ипсиланти. — Осада Триполицы. — Турецкая эскадра у береговъ Пелопонеза. — Епископъ Гелосскій.

Крѣпости Малвазія и Наваринъ, по долговременной и упорной осадѣ, сдались Грекамъ, будучи къ тому принуждены голодомъ. Греческое войско спояло подъ Триполицою, въ копорой заперлись знаменитѣйшіе Морейскіе Турки. Мы на другой день отправились туда же, и по шести-часовомъ пути, не встрѣшивъ ни души на дорогѣ, прибыли въ запусылающую деревню Ризи и въ ней отдохнули. Чрезъ два часа пошомъ, мы были уже на холмахъ, находящихся вблизи развалинъ Тегея, а въ недалекомъ разстояніи завидѣли городъ Триполицу и Греческую армію.

Не спяну описывающъ чувствованій моихъ при семъ зрѣлищѣ: мертвая шипина царствовала повсюду. Эллины, расположась спаномъ по скапу горъ, казалось, только и ждали знака, чтобы кинулись на свою добычу. Свойство и цѣль предпринимаемой ими войны изображались на ихъ хоругвахъ зна-

меніємъ Вѣры Христіанской и Фениксомъ, вылепающимъ изъ пепла. Спаршанскія знамена опшичались благородною кляшвою предковъ сего народа при принятіи щипа: Н ТАН Н ЕПІ ТАС, *сѣ нилиѣ, или на нелиѣ* (то естъ: со щипомъ или на щипѣ).

Солдашы, съ коими мы вспрѣчались, большею частію одѣшы были въ рубища и имѣли плохія ружья; избытые замки ихъ привязаны были къ спволамъ веревками. Многіе вооружены были одними копьями, кошторыя они сами для себя изгошвили. „Чшо „до шого? говорили они: мы вооружимся до „бычами нашихъ враговъ“. Я жалѣлъ о нихъ— и удивлялся имъ.

Насъ повели въ палашку Князя Ипсиланши, гдѣ мы нашли Каншакузена и Маврокордашо, происходящихъ, какъ и Господари Волошскіе, изъ фамилій Фанаріопскихъ.

Димитрію Ипсиланши не болѣе 28 лѣтъ отъ роду, но, по недоспашку волосъ, по морщинамъ и слабому голосу, онъ кажется лѣтъ сорока. Онъ малъ ростомъ, сухощавъ, въ обращеніи робокъ, словомъ не имѣетъ величественной наружности, необходимой для предводителей невѣжественнаго народа—

Впрочемъ имѣетъ онъ многія добрыя качества, усовершенствованныя хорошимъ воспитаніемъ, характеромъ праводушенъ и благороденъ; при всей слабости своего сложения, претерпѣваетъ, изъ любви къ опечесству, всѣ неудобства, и подвергается въ случаѣ нужды величайшимъ опасностямъ. Припомъ имѣетъ онъ познаніе въ военномъ дѣлѣ, служивъ при Главномъ Штабѣ Россійской арміи, въ чинѣ Ротмистра Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, въ походахъ 1812—14 годовъ.

Братъ его, Александръ, отправилъ его въ Морею съ порученіемъ побудить тамошнихъ Грековъ къ восстанію противъ Порты: онъ, къ несчастію, слишкомъ буквально слѣдовалъ данной ему инструкціи, и не умѣлъ во время уступить выгодамъ прошивной партіи, имѣвшей на судьбу Греціи и его собственную важное вліяніе. Онъ прибылъ съ многочисленною свитой, славнымъ издревле именемъ, богатою казною (соспавленною опчасти великодушіемъ сестры его, Княжны Маріи, принесшей все свое приданое въ даръ опечесству) и множествомъ оружія. Народъ, желавшій имѣть предводителя, принималъ

его съ усердіемъ и воспоргомъ, и еслибъ онъ только былъ окруженъ порядочными людьми, то кончилъ бы свое предпріятіе съ наилучшимъ успѣхомъ; но бывшіе при немъ жалкіе и недостоинные помощники, полагавшіе цѣлю собственное свое обогащеніе, и неимѣвшіе никакихъ способностей, смотрѣли съ злобою и завистию на всѣхъ тѣхъ, кои хотѣли къ нему приблизиться, и употребляли всѣ средства, чѣмъ сдѣлать своего начальника неприслупнымъ. Опъ сего многіе честные и благонамѣренные граждане, явившіеся къ Князю, для того, чѣмъ служить ошечеству своими трудами и талантами, были приняты очень дурно, и принуждены удалились опъ всѣхъ дѣлъ общесвенныхъ. Такимъ образомъ лишился онъ содѣйствія многихъ сильныхъ помощниковъ, кои, чувствуя свое достоинство, не хотѣли прибѣгать къ низкимъ средствамъ для полученія мѣстъ, копоры принадлежали имъ по праву храбрости ихъ и добродѣтели.

Во время прибытія нашего, Ипсиланти находился на высшей степені своего могущества. Мы были первые изъ числа иностранныхъ Офицеровъ, прибывшихъ въ Гре-

цію, и онъ принялъ насъ очень хорошо. Узнавъ, что я Инженеръ, пригласилъ онъ меня къ себѣ особенно, и предложилъ мнѣ раздѣлишь съ нимъ палатку и сполъ. На другой день осмопрѣли мы вмѣстѣ окрестности крѣпости, и онъ поручилъ мнѣ управление работами.

Триполица, главный городъ Мореи, лежишь у подошвы горы Трикорфы (древняго Мена) на равнинѣ Маншинейской, составляющей долину длиною въ 6 или 7 Французскихъ миль, въ кошую ведуть шѣсныя и почти непроходимыя дефилеи. Городъ долгое время не былъ укрѣпленъ и защищался небольшимъ замкомъ, построеннымъ на командовавшемъ онымъ возвышеніи. Одинъ изъ Пашей, перевозимый безпреспанными нападеніями Клефшіевъ, окружилъ оный наконецъ стѣнами, вышиною отъ 15 до 20 фушовъ, имѣющими во многихъ мѣстахъ амбразуры. Въ извѣстномъ распояніи построены на нихъ башни, изъ коихъ нѣкоторыя снабжены пушками. Сіи незначительныя укрѣпленія удерживали Грековъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ; но должно сказать и то, что они не имѣли никакихъ средствъ, и должны

были сражались, съ многочисленнымъ гарнизономъ, бывшимъ подъ командою храбраго Кіая-Бей.

Хуршидъ, Паша Морейскій, отправился въ Эпиръ, чшобъ потушить неудовольствіе, возникшее въ арміи, копорая осаждала спараго Али-Пашу въ Янинъ. Получивъ извѣстіе о безпокойствѣ, вспыхнувшемъ въ собсшвенномъ его Пашаликѣ, онъ отправилъ шуа своего помощника со всѣми войсками, копорыми могъ располагашъ. Кіая-Бей, разоривъ Аргосъ, опуспошилъ всю спрану на походъ своимъ огнемъ и мечемъ, двинулся къ Триполицѣ, и принудилъ споявшихъ предъ оною Грековъ удалиться въ горы. Эллины вскорѣ заняли всѣ дефилеи, и безпрепятсшвенные успѣхи Турецкаго Генерала послужили ему самому во вредъ: послѣ многихъ бесполезныхъ усилій, спойвшихъ ему великаго числа людей, и доспавившихъ малое шолько количество съѣспныхъ припасовъ, онъ нашелся принужденнымъ заключиться въ Триполицѣ, и ждашъ пособія извнѣ. Такимъ образомъ случилось здѣсь, чшо 12 тысячъ челошкъ были окружены чешырьмя или пяшью тысячами, и мало по

малу, испощивъ всѣ свои силы, должны имъ были покориться.

Греки привезли изъ Малвазіи нѣсколько пушекъ, и хотѣли присоединить къ нимъ двѣ морпирьы полагая, что бросивъ двѣ или три бомбы въ городъ, они непременно принудятъ Турокъ къ сдачѣ. Я поставилъ наші баппарей во снѣ саженьяхъ отъ небольшой крѣпости, маскировавъ оныя невысокими холмами. Съ сего времени блокада сдѣлалась живѣе.

Вся наша артиллерія состояла изъ пяти пушекъ, въ томъ числѣ двѣ осмнадцати-фунтовыя, и изъ двухъ морпирь. Сии послѣднія были въ такомъ худомъ положеніи, что въ нашихъ арміяхъ конечно не посмѣли бы употреблять оныхъ; но Греки горѣли нетерпѣніемъ видѣть ихъ дѣйствія. Впрочемъ все было равно, чтобы ихъ разорвало, или чтобы онѣ оставались безъ употребленія.

Всѣ средства и способы осады были для насъ, солдатъ Европейскихъ, спранны и необыкновенны. На разсвѣтъ начиналась перестрѣлка. Въ полдень Турки спокойно и безпрепятственно предавались отдохновенію, разставивъ нѣсколько часовыхъ, которые

сидя на спѣнахъ, спокойно курили табакъ, шакъ, чшо можно было безъ опасности приблизиться къ валу. Подъ вечеръ переспѣлка возобновлялась, а при наступленіи ночи, войны обѣихъ споронъ опсшупали, не принявъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ на случай внезапнаго нападенія.

Сія безпечность внушила мнѣ мысль предпринять ночную ашпаку пропивъ однихъ ворошъ. Ипсиланти одобрилъ мой планъ, но Примасы оному воспрошивились по шой причинѣ, чшо въ случаѣ взяшія города прискупомъ, находящіяся въ немъ сокровища достанутся солдапамъ, и не могутъ послужить къ составленію народной Греческой казны. И шакъ они совѣшовали подождать, доколѣ голодъ не побудитъ Турокъ къ сдачѣ.

10 Сенсября осажденные дѣйшвовали всею своею аршиллеріею, и нѣкопорые выспрѣлы были весьма мѣшки. Эллины, не дожидаясь приказанія, опшвѣчали съ своей шпороны шѣмъ же. Я опсправился на бап-парею, и спарался внушить Грекамъ, чшобъ они даромъ не шрапили пороха, и не начинали спрѣлять безъ приказанія. Между шѣмъ, на сей разъ позволилъ я продолжашъ огонь.

При каждомъ выспрѣлѣ раздавались радостныя восклицанія. Пошомъ приблизился я опяшъ къ спѣнамъ и нашелъ шамъ нѣсколь-
ко изъ нашихъ солдатъ, копорые, залегши за ушесами, мѣнялись съ непріятелемъ выспрѣлами и бранью. Это зрѣлище возобновлялось сжедневно. Греки приближались къ спѣнамъ подъ защишою деревъ и ушесовъ, и подобно Гомеровымъ героямъ, вызывали опшуда враговъ своихъ на бой бранью и на-
смѣшками. Турки сначала слушали покойно, но поперявъ шерпѣніе, вспупали въ драку, кошорая прекращалась на обѣденное время. Впрочемъ сіи маленькія сшибки оканчивались всегда въ пользу Грековъ, кошорые пришомъ научались и привыкали дѣйствовать своимъ оружіемъ.

Вечеромъ того же дня произошла сшиб-
ка въ опкрышомъ полѣ. Тридцать Грече-
скихъ спрѣлковъ переспрѣмивались съ кон-
нымъ опрядомъ, слишкомъ во спо человекъ;
но одинъ изъ первыхъ, опважившійся подой-
ти слишкомъ близко, былъ Турками опрѣ-
занъ, схваченъ, передъ нашими глазами по-
саженъ на колъ и изжаренъ!

Маврокордапо въ шопъ же день оставилъ нашъ лагерь, и отправился съ полномочіемъ Князя Ипсиланти въ Румелію для управленія тамошнимъ восстаніемъ. Каншакузенъ, съ такимъ же порученіемъ, былъ посланъ на оспрова. Между шѣмъ послѣдній изъ нихъ, человекъ съ опличными шаланшами, не исполнивъ данныхъ ему порученій, ворошилъ въ Европу, опчаяваясь въ спасеніи опечесства, или, можетъ быть, не желая занимать впороспепеннаго мѣсна.

11 Сеншября изгошовляли мы баппарею, кошорою хопѣли сдѣлашь проломъ въ спѣнѣ, и спроили редушъ для прикрытія оной; при чемъ пошеряли одного шолько человекъ. Вечеромъ, чшобъ опвратишь вниманіе солдашъ нашихъ опъ слуха, поселившаго безпокойство въ арміи, бросили мы нѣсколько бомбъ.

Слухъ сей, къ несчастію, на другой же день подшвердился: Турецкая эскадра, сосшоявшая изъ чешырехъ линейныхъ кораблей, десяти фрегашовъ и нѣсколькихъ корветшъ, явилась у береговъ Мореи. Она покушалась сдѣлашь высадку у Каламашы, но была опражена храбрымъ сопрошивленіемъ тамош-

няго Коменданта Балеста, и поплыла далѣ на сѣверъ, снабдивъ сѣбѣ съѣстными припасами крѣпости Модонъ и Коронъ.

Сіе происшествіе побудило Примасовъ Морейскихъ сославивъ совѣтъ для начертанія оборонительнаго плана. Болѣе всего чувствовали недоспашокъ въ деньгахъ. Всѣ согласны были въ томъ, что богачи должны въ сихъ пѣсныхъ обстоятеляхъ служить опечеству своею казною, но никто не имѣлъ охоты подать въ томъ первый примѣръ.

Между тѣмъ надлежало ободрить унывшую духомъ армію. Епископъ Гелоскій, всѣми любимый и уважаемый, подобно Петру Пустыннику, опслужилъ Божественную Литургію на вершинѣ утеса, въ виду всей арміи, расположившейся въ безмолвіи вокругъ Священнаго. Потомъ произнесъ онъ рѣчь къ воинамъ: изобразилъ въ ней пламенными красками ужасное свирѣпство Турокъ, и, по сильномъ воззваніи до послѣдняго издыханія защищать великое дѣло Вѣры и опечеству, вдохновенный святымъ воспоргомъ, воскликнулъ, простирая длань на Триполицу: „Я жажду умереть, умереть смертию мученика

„и бысть погребенъ посреди храбрыхъ, кои
 „падушъ въ бою; они шакже будушъ муче-
 „никами.“ Вся армія поклялась умереть за
 свободу опечесства.

Гусшой шуманъ позволилъ намъ на дру-
 гой день овладѣшъ небольшимъ возвышені-
 емъ, съ кошораго мы препяшсцовали оса-
 жденнымъ водитъ лошадей своихъ, какъ пре-
 жде, на пасбище внѣ города. Въ началѣ
 осады имѣли они десяти тысячъ лошадей;
 сіе число уменьшилось до пяти или шести
 сотъ, ибо Турки питались одною почти ко-
 ниною.

При семъ случаѣ завязалось небольшое,
 довольно жаркое дѣло, въ кошоромъ Турки
 пошеряли шридесятъ человекъ солдатъ и мно-
 го лошадей, и были совершенно опражены.
 Въ поясѣ одного изъ убитыхъ нашли опъ
 пяти до шести сотъ пашпровъ, и сіе при-
 мѣтно возбудило жаръ военный въ нашихъ
 солдатахъ.

Наспала глубокая осень; частые дожди
 много насъ беспокоили; мы боялись, что
 армія мало по малу не разсѣялась, когда
 намъ не удастся въ скорости успѣшъ въ
 нашемъ дѣлѣ. Рѣшено было сдѣлать неча-

янное нападѣніе. Турки, по видимому, были въ уныніи; они больше не стрѣляли изъ пушекъ; почему мы заключали, что у нихъ пороху очень мало и что они сберегаютъ его на необходимые случаи.

15 Сентября происходила сильная спибка, въ кошорой Греки доказали, что они ежедневно приобрѣщаютъ новые успѣхи въ военномъ дѣлѣ. Они прогнали осажденных до самыхъ воровъ крѣпости, и засѣли въ развалинахъ домовъ на писцолешный выстрѣлъ отъ города. Тамъ храбрый Колокошпро-ня пославидъ двѣ каронады, кошорыми пре-крашилъ вылазки осаждающихъ съ той спороны, и примкнулъ лѣвое свое крыло къ деревнѣ, лежащей на равнинѣ, подлѣ помянутой мною высоты.

Голодъ побудилъ многихъ Турокъ ославить городъ, и просить Князя о помилованіи. Мы узнали отъ нихъ, что въ городѣ господствуетъ крайній недоспашокъ; что у однихъ офицеровъ и солдатъ есть нѣкоторые припасы, и что жилили, лиленные всего, гошовой къ возмущенію. Несчастные сіи спрадальцы, блѣдные и изнуренные голодомъ, возбуждали общее состраданіе: ихъ

опослали въ ближнюю деревню, но въ шожее время опредѣлили не приниматьъ опшныѣ ни одного изъ осажденныхъ. Спартанцы въ шожее же день заняли положеніе къ Югу, на ружейный выспрѣлъ опъ крѣпости.

Въ слѣдующій день, мы бросили нѣсколь-ко бомбъ; намъ легко было замѣшпть уныніе Турокъ, кошорые ни разу не выспрѣлили даже изъ ружья по нашимъ солдапамъ, собравшимся шолпою на проптивной шпоро-нѣ баппарей.

Жидаы предложили Грекамъ большую сум-му, чшобъ выйши изъ города, и спасти жизнь свою, но ихъ просьба была оприну-ша. Всѣ сокровища въ мірѣ не могли бы спа-спши ихъ опъ бѣщенспва Грековъ, кошорые ненавидяшъ ихъ болѣе нежели Турокъ, осо-бенно загнусноепоруганіе надъ шѣломъ умерщв-леннаго въ Конспаншинополѣ Паппріарха.

Я упошребилъ въ дѣло съ шридцашъ бранс-кугелей, привезенныхъ изъ Малвазіи; но ими, какъ и бомбами, мало сдѣлано вреда, по шому чшо дома здѣшніе низки, покрышы чере-пицами и опдѣлены другъ опъ друга садами.

19 Сенпября явилось изъ города опяшъ около пшшдесяшш Турокъ, спарцевъ, женъ

и дѣшей. Они просили насъ о помилованіи. Греки, сжалясь надъ ихъ положеніемъ, непрерывъ снабжали ихъ хлѣбомъ, но по жестокой необходимости заставили ворошиться въ крѣпость. — Въ слѣдующій день осажденные изъявили желаніе вступить въ переговоры. При семъ случаѣ спарались они подкупить Предводителю Спаршанцевъ Мавромихале; но на лаконическое предложеніе сдать на волю побѣдителей отвѣчали, что скорѣе согласясь предасть гибели всѣхъ жителей, и что спануть защищаться до послѣдняго издыханія.

Высадка войскъ съ Турецкой Эскадры. — Сня-
 тие блокады Патраса. — Начало раздоровъ меж-
 ду Греками. — Отъездъ Князя Ипсиланти въ
 Патрасъ. — Взятіе Триполицы. — Молодая
 Турчанка. —

Получаемыя нами извѣстія со дня на день
 спановились непріятнѣе. Турецкая эскадра
 взяла въ Дураццо корпусъ Албанцевъ, чѣмъ
 отвезши ихъ въ Патрасъ. Идріоты не хо-
 тѣли итти въ море, доколѣ имъ не опре-
 дѣлятъ надлежащаго жалованья. Они жало-
 вались на то, что Морейцы не дали имъ
 никакого вознагражденія за блокаду Малва-
 зій и Наварина. Радуюсь въ душѣ спѣснен-
 ному положенію Пелопонеза, давали они
 чувствовашъ своимъ единосемцамъ всю важ-
 ность своего содѣйствія, и намѣревались
 ворошиться во-свои со всѣми судами. Од-
 на лишь благородная Бубулина не перемѣ-
 няла своихъ намѣреній: она прислала сына
 своего къ Князю Ипсиланти съ письмомъ;
 въ коемъ увѣдомила его, что будучи при-
 нуждена, по требованію старшинъ сво-
 его острова, ворошиться на Идру, она по
 прежнему усердствуетъ къ общему дѣлу, и

предоставляесть въ распоряженіе Князя собственныя свои суда, кошпрыхъ не въ состояніи сама долѣе содержать: ибо многочисленныя пожертвованіи испощили всю ея казну.

Непріятность нашего положенія увеличилась еще опъ возрасшавшаго въ лагерь недоспашка съѣспныхъ припасовъ, и опъ распротпраненія повальныхъ болѣзней, причиняемыхъ перемѣною погодою. По уштрамъ случались густыя шуманы, въ полдень господспвовали неспносные жары, за оными слѣдовали проливные дожди: только по ночамъ видѣли и чувспвовали мы, что находимся подъ прекраснымъ небомъ Греціи.

Пользуясь упреннимъ шуманомъ, при Турка выбрались изъ города, чтообъ уйши въ Анапли (Навплию); но Греческіе креспьяне схващили ихъ, опрубили двоимъ головы, а опсальнаго принудили неспи оныя въ Греческій лагерь, гдѣ они спребовали награды, положенной за умерщвление непріятеля. Князь Ипсиланти опказалъ имъ въ сей награду, получаемой только шѣмъ, кто вооруженною рукою побѣдитъ врага. Между шѣмъ, какъ поселяне вышли, ропща на сіе

рѣшеніе, а оспальной Турокъ, по ихъ приказанію, долженъ былъ ошойдя немного бросить обѣ мершвыя головы, кпо-шо выспрѣлилъ въ него; неисповые бросились было, чшобъ добишь сего несчастнаго; но его успѣли спасти (*).

Князь, въ негодованіи на сіе вѣроломство, приказалъ найши и обезоружить убійцу, кошорый пошелъ прочь, оскорблѣсь шаковымъ наказаніемъ, но не раскаяваясь въ винѣ своей. Присемъ поднялся въ рядахъ воиновъ громкій ропотъ. „Какъ! говорили они: у Эллина отнимають оружіе, налагають на него споль посрамишельное наказаніе . . . „и за что? За то, что онъ убилъ Турка!“ Безпорядокъ ежеминутно увеличивался и грозилъ намъ самыми непріятными послѣдствіями; но почтенный Епископъ Гелоскій

(*) Вотъ что раздражило Грековъ прошивъ Турокъ: одинъ изъ нашихъ воиновъ, имѣвшій брата невольникомъ въ городѣ, былъ узнать осажденными. Звѣрство Турокъ пало на невиннаго, и голова его явилась, вопкнушая на копье, на городской стѣнѣ. — Такимъ образомъ съ той и другой стороны показывались ужасные примѣры мщенія.

Прим. Сог.

вступился за предводителя, и въ умилишельной рѣчи къ солдатамъ привелъ слова Св. Василія, кошорый называетъ дѣломъ угоднымъ Богу умершвишь сорокъ враговъ Вѣры и опечесства съ оружіемъ въ рукахъ, шому же, кшо умершвишь одного плѣннаго или безоружнаго, угрожаетъ двадцатилѣшнимъ оплученіемъ опть Церкви. Онъ заключилъ рѣчь свою проекрапнымъ проклятіемъ всякаго, кшо дерзнетъ сомнѣваться въ истинѣ сихъ словъ. Солдаты прижды повшоприли *аминь!* и разошлись въ безмолвіи.

Въ сіе время Балеспъ, Комендантъ Каламашскій, присоединился къ намъ съ опрядомъ въ шприспа человѣкъ, сформированныхъ по Европейски. Грекамъ весьма нравились ихъ манёвры. Восхищенные симъ новымъ зрѣлищемъ, Примасы рѣшились завеспи сіе обучение и между прочими войсками.

Извѣстіе о снятіи блокады Пашраса усугубило наши опасенія: мы боялись, что Турки овладѣютъ западною ровною часшію Морей, гдѣ мы не смѣли на опшкрышомъ полѣ сразиться съ непріятелемъ. 23 число прошло въ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ палашкѣ Князя Ипсиланти. Положеніе дѣлъ

огорчало вождей Греческихъ: они укоряли другъ друга, ссорились, и между прочимъ Колокошрони наложилъ молчаніе на Архіепископа Папирасскаго, сказавъ, чшобъ онъ не мѣшался ни въ какія дѣла, кромѣ Церковныхъ. Вожди разошлись, не сдѣлавъ ничего положишельнаго.

Осажденные, для ушоленія голода, завели шоргъ съ осаждающими, и къ досадѣ всей арміи, производили оный ежедневно. Майношты отшпускали имъ хлѣбъ, и получали за шо оружіе. Киріакули, брагъ Мавромихале, желя прекрашпшь сей спранный и вредный шоргъ, приказалъ выпрѣлишь въ шолпу, копорая онымъ занималась. Турки отпвѣчали пѣмъ же. Одинъ Майношъ при семъ случаѣ былъ убитъ; многіе ранены. На шумъ сбѣжались другіе Греки. Гарнизонъ вышелъ, и завязалось жаркое дѣло на всѣхъ пунктахъ, къ вреду Турокъ, копорые были принуждены уйши въ городъ, оставивъ множество убитыхъ. Ночь, какъ и всегда, прекрашила сію бишву.

Наконецъ вожди почувспшвовали необходимость приняшь скорыя и рѣшительныя мѣры. Спаршій сынъ Колокошрони отшправился

съ опрядомъ въ пяшь сопъ челоуѣкъ къ Коринѣскому перешейку, а Ипсиланши гошвился вышпунить къ Напрасу съ шакимъ же числомъ войска, предполагая усилить оное на дорогѣ. Онъ сдѣлалъ непросшпительную ошибку, что не послалъ вмѣсто себя Колокошпрони и удалился отъ Триполицы въ шакое время, когда сей городъ долженъ былъ сдатьсь, къ успокоенію и удовольствію всей Греціи. Пылкая любовь его къ опечесшву неосшорочно вовлекла его въ сѣпи, разспавленные нѣкошпорыми лукавыми вождями, коихъ вся цѣль была — удалить его отъ дѣлъ. Воспоминаніе несогласій между людьми, кошорыхъ должно бы связывать одно чувшво, и кошорые опчуждены были, другъ отъ друга мѣлкими разсчепами и презрѣнною зависшью, раждаешъ во мнѣ горькія размышленія; но я опбрасываю оныя и примѣняю къ сему случаю, какъ и ко многимъ другимъ, гдѣ видѣлъ я бореніе шѣхъ же спрасшей, выраженіе одного славнаго Французскаго правоучителя: *Человѣкъ вездѣ теловѣкъ!* . . .

25 числа, послѣ долгихъ совѣщаній, гдѣ много было потеряно напрасныхъ рѣчей,

Князь Ипсиланти уѣхалъ, взявъ съ собою башаіонъ Балесиа и два легкія орудія.

Въ слѣдующій день предложены были условія Эльмазъ - Агъ, начальнику Албанцевъ Триполицкаго гарнизона; онъ вышелъ изъ города съ старшими своими чиновниками для переговоровъ. Безъ всякихъ затрудненій, обѣ стороны согласились, чтобы двѣ тысячи ослававшихся Албанцевъ возвратились на родину съ оружіемъ и всѣмъ, что могли нести на себѣ, давъ обязательство не служить болѣе противъ Грековъ.

Сентября 28 они отправились въ сопровожденіи вшораго сына Колокошрони. Мало было сморѣвъ на сихъ храбрыхъ воиновъ, какъ они, ослабѣвъ отъ голода, но съ гордостью во взорахъ, тихо проходили сквозь толпу Грековъ, сбѣжавшихся къ нимъ на встрѣчу и пожиравшихъ глазами блестящее ихъ оружіе и богатую одежду; тогда какъ всѣ жипели Триполицы, пѣсняясь на стѣнахъ и возвышеніяхъ, показывали унылымъ своимъ молчаніемъ, что они предвидятъ участь, ихъ ожидавшую съ пошерю надеждѣйшей ихъ опоры.

Турки, не въ состояніи будучи долѣе со-
прошивляться, но подкрѣпляясь надеждою
на ожидаемую ими изъ Паптраса и Цейшунни
помощь, просили также переговоровъ, дабы
продлить время. Они не знали, что собрав-
шіеся около послѣдняго изъ сихъ городовъ
войска, были разбиты при Θермопилахъ.

Въ продолженіе сихъ переговоровъ, жены
Хуршидовы просили позволенія видѣться съ
Бубулиною, не за долго передъ тѣмъ при-
ѣхавшею въ лагерь. Она склонилась на ихъ
приглашеніе и пошла въ городъ съ нѣкощо-
рыми вождями, коимъ нужно было объяс-
ниться съ начальниками гарнизона. Пользу-
ясь симъ случаемъ, многіе солдацы промѣ-
нивали осажденнымъ хлѣбъ за оружіе; это
было поводомъ ко многимъ дракамъ.

Вожди Греческіе выходили изъ города и
опять въ него вступали; Турки приходили
въ сшавку Колокошпрони съ дарами. Двое изъ
нихъ явились, какъ просители, поверглись
лицъ, и по Воспочному обычаю облобызали
прахъ ногъ Полководцевыхъ. „Что вы дѣ-
„лаете? сказалъ имъ храбрый Клефши: бе-
„регите для своихъ Пашей сіи подлыя изъ-
„явленія раболѣпства, а мнѣ говорите пря-

„мо въ глаза.“ Посланные поставили подлѣ него драгоцѣнные сосуды, ими принесенные. „Посмотрите на эти ослиныя головы! съ „сердцемъ вскричалъ Колокошрони: и они „еще ихъ брѣютъ (*)! Какъ, невѣрные! „вы надѣялись на ваши дары? Знайте же, „что здѣсь у васъ дѣло не съ Клефшіями; „мы деремся за избавленіе нѣсколькихъ ми- „ліоновъ человѣкъ и рѣшаемъ ихъ судьбу. „Унесите обратно ваши дары. Люблю день- „ги: нѣчего паишья; но хочу ихъ добывать „саблею: эти сокровища возьму я самъ въ „Триполицѣ.“

Солдаты наши подъ конецъ недобрыми глазами смотрѣли на сіи хожденія въ городъ и изъ города, шѣмъ болѣе, что изъ шого ничего не выходило. Они думали, и не безъ причины, что Турки, пользуясь симъ положеніемъ дѣлъ, вывозятъ изъ Триполицы многія драгоцѣнности и щедро дарятъ ими вождей, ища въ нихъ себѣ покровительства. Турки же, въ надеждѣ, что лѣтъ шакимъ

(*) Я перевелъ буквально, говоритъ Сочинитель Записокъ, сію грубую выходку Греческаго Полководца, и сохранию во всей полнотѣ всѣ рѣчи, мною здѣсь приводимыя.

образомъ алчности Колокошрони и другихъ военачальниковъ, они могутъ еще нѣсколь-
ко времени продлить перемиріе, выдумыва-
ли затрудненія и отсрочивали сдачу крѣпо-
сти. Но войска Греческія, досадуя, что у
нихъ изъ рукъ уходитъ часть добычи, ко-
торую они считали своею, громко требовали
разрыва переговоровъ; разсѣясь безъ поряд-
ка вокругъ городскихъ валовъ, они прогнали
Турокъ за оныя и всю ночь съ ними пере-
спрѣливались.

Казалось, что судьба вела осажденныхъ
къ гибели; переговоровъ не лзя было воз-
обновить. 5 Октября, около полудня, го-
сподствовала, по обыкновенію, въ городѣ и
въ станѣ совершенная тишина. Знавшій-
шіе Предводители сидѣли за столомъ. Вдругъ
раздался крикъ: „къ ружью! Греки идутъ на
станы!“ Мы встали изъ-за стола, и уви-
дѣли, что нѣкоторые изъ нашихъ были уже
на станѣ.—

Одинъ солдатъ отряда Колокошрони, спо-
лвщій на бащпареѣ противъ Сѣверныхъ во-
рогъ города, примѣшилъ, что на станѣ
нѣтъ часового, и смѣло взобрался на оную.

За нѣмъ послѣдовали другіе, и въ минушу собрался тамъ весь сей опрядъ.

Турки, вскочивъ отъ полуденнаго сна, начали жарко стрѣлять съ крѣпости и съ башенъ по шану Спаршанцевъ; но сіи послѣдніе, негодуя на то, что солдаты Колокошпронъ вошли уже въ городъ, кинулись вмѣстѣ съ нами и съ другой стороны на шану, презирая всѣ опасности, и въ мгновеніе ока овладѣли самою большею башнею, обратили пушки оной противъ крѣпости, и заславили молчашъ тамошнюю артиллерию. Вся осадная армія, подобно горному потоку, влилась въ городъ.

Сопропивленіе, оказанное во многихъ домахъ, пробудило всю ярость нашихъ воиновъ. Тогда начались явленія свирѣпства и ужаса, которыхъ я описывать не шану: всякой опытный воинъ можетъ себѣ представить оныя, вспомнивъ, что городъ взятъ былъ прискупомъ, что осадныя войска, чуждыя всякой подчиненности, упоены были народною ненавистію и злобою на враговъ своей Вѣры.

Не хочу и не шану оправдывать безчеловѣчные поступки нашихъ! Грозное сіе зрѣ-

лице до такой степени поправило меня, что хотя я и видѣлъ въ послѣдствіи Триполищу, вставшую изъ развалинъ и заключающую въ себѣ гораздо болѣе удобствъ и даже удовольствій жизни, нежели вся оспальная Греція, — но и теперь не могу вспомнить о ней, чтобы мое сердце не облилось кровью. Городъ сей является въ сумной моей памяти, какъ тѣнь сѣдующая! Онъ все еще мнѣ кажется покрытъ кровавою пеленою.

На другой только день удалось намъ занять крѣпость. Взятіемъ Триполицы распространено было по Пелопоннезу отъ 12 до 15 тысячъ ружей, великое число сабель и несмѣнное множество пистолетовъ. Безопасность сей области была совершенно утверждена, и мы могли сверхъ того употребить въ другомъ мѣстѣ десять тысячъ человекъ, составлявшихъ осадный корпусъ. Не смотря на сіи выгоды, мы не могли пользоваться всѣми плодами сего блистательнаго успѣха. Национальная казна не обогатилась отъ взятія Триполицы ни однимъ обломъ; предводившіе армію оказали при семъ случаѣ непротипичельное любостыжаніе; вся

армія разсѣялась; солдаты разбѣжались, чѣмъ спрятали захваченную добычу и отдохнувши шире, какъ будто бы взятіемъ Триполи кончена была вся война.

Произшествія, о коихъ я разсказалъ и которыхъ не долженъ былъ упустить изъ любви къ истинѣ, всегда необходимой для права дѣла, подающаго поводъ къ нѣкоторымъ размышленіямъ.

Алчность къ добычѣ, замѣчаемая въ греческихъ воинахъ и любостыжаніе ихъ предвиршелей, недостойны народа, которому обладаетъ любовь къ независимости и пламенное желаніе приобрести себѣ свободу: воистину что безъ сомнѣнія скажетъ всякой. Но освобожденные могутъ ли поспѣе бросить навѣкъ рабство? Только по многократныхъ усиліяхъ оспариваютъ они по возвышенности духа, которая согласуется съ новымъ ихъ состояніемъ. И не должно ли надѣяться, что народъ, цѣлые вѣки согбенный подъ ненавистнѣйшимъ игомъ, но распоргнувшій по собственному влеченію узъ унижательной неволи, скоро сплещетъ на степень благоразумной образованности, когда подумаемъ, что и въ оковахъ разумъ его.

бодрствовалъ и внушалъ ему то благородное рвеніе, которое побудило его къ возстанію? О, конечно; такъ должно думать и болѣе всего не претовалъ, чтобы перевернуть въ его нравахъ былъ сподъ же скоропоспѣженъ, какъ сіе вдохновеніе свободы, возвышенное надъ привычками, но всегда питающее ненависть, долго жаждущее мести и жестокосердое, когда испытываетъ сильное сопротивленіе. И теперь уже,—должно сознаться въ томъ, дабы опадать справедливостъ силъ доблестей, заставившихся у сего народа, достойнаго въ будущемъ лучшей участи,—и теперь уже я замѣнилъ многія счастливыя перемѣны въ сихъ дикихъ обычаяхъ, которые къ нему внесены Азіатцами. Уже побѣда надъ врагомъ не выманиваетъ у Грека звѣрскаго выраженія кровожадной радости: онъ чувствуетъ все достоинство своего положенія; поле битвы для него поприще мученическое, или судилище, на которомъ судящая самовластие съ свободою. Побѣда челоуѣколюбива подъ его знаменами и сила возвышенныхъ понятій даетъ себя предчувствовать во всѣхъ его дѣйствіяхъ.—Вотъ что есть уже теперь; и со всѣмъ

тѣмъ не прошло еще трехъ лѣтъ, со дня когда Греки разбили свою цѣпь и вооружились ея обломками на поражение пришельцев! Чегожь не можно ожидать отъ времени и воспоминаній о древней опчизнѣ, господствующей нынѣ надъ Греціею возрожденною?

Ипсиланти, отправившись, какъ мы видѣли, въ Папрасъ, былъ 26 Сентября въ Калавришѣ; тамъ получилъ онъ чрезъ нарочнаго извѣстіе, что Турки высадили на берегъ только 1600. Албанцевъ.

Греки ободрились и возобновили блокаду Папраса. Между тѣмъ двадцать семь бриговъ и двѣ корветшны, вступивъ въ Лепанискій заливъ, угрожали Воницѣ. Князь Ипсиланти поспѣшилъ на помощь сему городу и прибылъ туда въ то самое время, когда Турки, разрушивъ нѣсколько домовъ, подняли паруса, чѣмъ ипши далѣе по заливу. Опасаясь, чѣмъ они не сжали помогать непріятельскому корпусу, шедшему изъ Ливадіи, онъ подвинулся къ перешейку, наблюдая за движеніями ихъ вдоль по берегу. Октября 2 былъ онъ въ Монастырѣ Святыя Ирины, напрошивъ Галаксиди, и неволью былъ празд-

нымъ свидѣтелемъ приступа къ сему городу и взятія онаго по крапковременномъ сопропивленіи. Турки сожгли городъ (*) и вслѣдъ за тѣмъ присоединились къ флоту, споявшему на якорѣ передъ Папирасомъ; они увели съ собою до сорока судовъ, которыя нашли въ приспани.

Не смощря на шо, Ипсиланти продолжалъ свой походъ; прибывъ въ Кенхріесь, онъ располагался иппи въ Мегару, а опшюлъ къ

(*) Ипсиланти не зналъ на вѣрное, видя дымъ, поднимавшійся столбомъ надъ Галаксиди, городъ ли сей горѣлъ, или Турецкія суда. Онъ велѣлъ сыскать лодку и опшправилъ ее для освѣдомленія о семъ произшествіи; но лодки не могли найппи. Три человекъ вызвались переплыть заливъ вплавъ; узнавъ, что шамъ дѣлалось и ободривъ Галаксидіоповъ къ мужественному сопропивленію, извѣстія ихъ о скорой помощи. Ни пропивный вѣпръ, ни бурное море, ни близость непріятеля не удержали сихъ опважныхъ людей; они осмѣлились пущипсь въ сей пущъ, около прехъ Французскихъ миль (12 верспъ)—на доскѣ! Жалѣю, что не могу передатъ всѣ ихъ имена; одно только имя сержанта Николая Піасине сохранилось въ моихъ запискахъ.

Прим. Сог.

ущеліямъ горы Герамона, когда получилъ въ одно время извѣстіе о взятіи Триполицы, и другое, не менѣе важное, о счастливомъ окончаніи морскаго сраженія при Папрасѣ 3 Октября. Турецкій флотъ направилъ паруса къ Югу, оставя въ Лепанцѣ упомянутыя передъ симъ мною суда.

Въ семъ достопамятномъ сраженіи, храбрый начальникъ Греческаго флота, Мніавли, съ двадцати пушечнымъ своимъ бригомъ, выдерживалъ почти цѣлый часъ огонь двухъ непріятельскихъ фрегатовъ.

Ипсиланши, распорядивъ мѣрами къ охраненію ущелій, поспѣшилъ въ Триполицу, гдѣ принявъ былъ съ радостными восклицаніями. Онъ немедленно писалъ къ Примасамъ всѣхъ областей, приглашая ихъ на всеобщее собраніе, въ кошоромъ должно было сдѣлать постановленія для новаго Правительсства; дѣло сіе было самое важное, и Примасы еще прежде обѣщались занявшись онымъ, колы скоро Триполица будетъ въ рукахъ Грековъ. Нынѣ же, сознавая необходимость сей мѣры, они подъ разными предлогами откладывали собраніе, утверждали, что оному приличнѣе бытъ въ Аргосѣ, и что тамъ, зани-

маясь соспавленіємъ образа правленія, можно было наблюдать за осадою городовъ Анапли и Коринѳа. Оспровиптяне болѣе другихъ придерживались сего мнѣнія, надѣясь, что ихъ вліяніе будетъ сильнѣе, когда жѣспо собранія будетъ у нихъ подъ рукою.

Греки уже только по наружности оказывали повиновеніе Князю Ипсиланши, и въ то время, какъ ему льстили мнимыми знаками уваженія, соперники спарались его лишить общаго довѣрія, подрывая оное со дня на день болѣе въ мнѣніи народномъ.

Прежде нежели я въ сихъ запискахъ прошусь съ Триполицею, хочу разсказать Читателямъ моимъ одно замѣчательное приключеніе:

Солдаты привели ко мнѣ молодую Турчанку: она была прекрасна; страхъ, чувствуемый сею шеснадцати-лѣтнею дѣвушкою, страхъ плѣна въ такой странѣ, гдѣ женщины-невольницы подвергаются лютейшимъ бѣдствіямъ, — дѣлалъ ее еще прелеснѣе. Я принялъ сей даръ моихъ воиновъ; и чтобы ободрить юную плѣнницу, велѣлъ опвесить ее въ отдѣльный покой и содержать ее съ уваженіемъ, должнымъ ея полу и несчастію.

Сей поспушокъ удивилъ мою плѣницу; она слезами изъясляла мнѣ свою благодарность. Въ немногіе дни, хорошее мое съ нею обхожденіе, а болѣе всего воздержность, столь отличная отъ нравовъ Мусульманскихъ, заслужили мнѣ отъ нея дружбу и довѣренность. Я проводилъ съ нею по нѣскольку минутокъ и старался ее утѣшить: бывъ разлучена съ матерью, она одному мнѣ ввѣряла свои горести. Она любила меня, какъ друга; а я привязанъ былъ къ ней, чѣмъ внушеніемъ самодовольствіемъ, котораго вѣрно не знаютъ люди, пробѣгающіе сіи степи съ насмѣшливымъ видомъ. (Твердая рѣшимость спасти отъ оскорбленій юную сію дѣвушку и необходимость подать войнамъ моимъ примѣръ той добродѣтели, которую начинали они забывать, — воспрещали мнѣ другую склонность къ этой прелестной невольницѣ.) Въ одинъ день она пришла ко мнѣ повѣся голову и съ слезами на глазахъ. „Что съ тобою, дѣвушка? Спросилъ я: „ты плачешь? Ужли ты не переспанешь, „сокрушаешься?—Ахъ! какъ мнѣ не плакать: „они убили мать мою.—Кто тебѣ это ска- „залъ?—Она,—Когда?—Въ эту ночь. Я ее ви-

„дѣла, говорила съ нею; она мнѣ сказала:
 „посмотри, дочь моя! злые люди меня уби-
 „ли,—и показала мнѣ перерѣзанную свою шею;
 „другая рана была у нея въ боку. Вырой
 „мнѣ могилу, продолжала она.—Чѣмъ же, род-
 „ная? У меня нѣтъ заступы.—Вырой зем-
 „лю своими ногами, дочь моя!“—

Чтобъ успокоить сіе бѣдное дитя, ве-
 лѣлъ я снова освѣдомляться объ участи ея
 матери. Мнѣ донесли, что найдена мертвая
 женщина, у которой на шеѣ и въ боку ра-
 ны, еще дымящіяся кровью. Я спросилъ у
 грустной Эммы, по чему можно было у-
 знать мать ея?—„На ней было исподнее платье
 изъ такой-то шкани.“—Я пошелъ самъ на
 то мѣсто, гдѣ лежало мертвое тѣло, он-
 рѣзалъ локушокъ ошъ одежды и показалъ
 его дѣвушкамъ. „Такое ли было платье на
 „швоей матери?—Точно!... Мать моя! ты
 „ее нашелъ, но нашелъ мертвую..... Не-
 „счастливая!“—Тутъ, собравъ всѣ силы, она
 бросилась на меня и хотѣла схватить кин-
 жалъ. Я удержалъ ее и чтобъ отвратить
 ошъ сего пагубнаго покушенія, сказалъ ей,
 что въ самомъ дѣлѣ есть извѣстіе о шой,
 которую она оплакиваетъ; но что ее пе-

ревели въ Азію. Сія ложь успокоила несчастную дівушку.

Признаюсь, воспоминаніе сего происшествія дѣлаєть въ умѣ моемъ необыкновенное впечатлѣніе. Я не вѣрю опкровеніямъ во снѣ; однако же сходство сей ужасной сущности съ сновидѣніемъ молодой Турчанки и теперѣ еще меня приводитъ въ смущеніе. По крайней мѣрѣ должно согласишься, что сіе дѣйствіе случайности весьма странно.

Оканчивая сей печальный : рассказъ, я въ полной мѣрѣ утѣшаюсь увѣренностію, что бѣдная Эмне теперѣ счастлива : одно почтенное семейство въ Мореѣ приняло ее къ себѣ вмѣсто дочери.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ПАТРАСА. — ИСТОЧНИКИ РѢКИ АЛ-
ФЕЯ. — МОНАСТЫРЬ МЕГА-СПИЛЕОНСКИЙ — ОШИВКА
ЭДЛИНОВЪ.

Воспользовавшись крашковременною осшановкою дѣль, объѣхалъ я сѣверную часпъ Пелопонеза, куда рано или поздно надлежало перенести театръ войны. Я поѣхалъ 10 Октябрю въ Патрасъ и переправился чрезъ одну цѣпь горъ Менальскихъ. Три часа ѣхалъ я съ большимъ запрудненіемъ по шѣснымъ шропинкамъ, и часпо долженъ былъ сходишь съ лошади. Вечеромъ прибылъ я въ Алони, деревушку, построенную на краю глубокаго оврага, по кошорому шечешъ ручей обыкновенно весьма мелкій, но бурный въ зимнее время. Высокія лѣсисшыя горы поднимающіяся со всѣхъ шпоронъ, дорога идетъ по ушесамъ, на копорые не споль пріятно, сколь любопышно взбирашься. Я осшановился въ эшомъ мѣспѣ, чшобы подкрѣпить себя пищею; спаросша деревни подалъ мнѣ жаренаго ягненка; мои солдаты разрѣзали его шѣми самыми япаганами, кои они пришупили въ Триполицѣ.

Взобравшись по шопинкамъ, кои спановлялся непроходимыми отъ малѣйшаго дожда, я увидѣлъ подъ собою малую долину Вишинскую, и спустился въ нее.

Мнѣ казалось, что я перенесенъ въ набожные вѣки Византійской Имперіи: при входѣ въ городъ, насъ встрѣпило духовенство въ полномъ облаченіи; послѣ привѣщаній съ прибытіемъ, оно повело насъ въ Церковь, гдѣ воспѣшо было благодарственное молебство за покореніе Триполицы.

Въ Вишинѣ 4000 жителей; городъ лежитъ на скалѣ холма, возвышающагося посреди долины, которая съ востока ограждена стѣною высокими горами, что солнце начинаеть ее освѣщать уже чрезъ два часа по восхожденіи своемъ.

Ко мнѣ привели молодаго человека, спасагося вплавъ съ Турецкой эскадры передъ Пашрасскою башнею.

Суда были въ самомъ жалкомъ состояніи; заразительныя болѣзни, происшедшія отъ дурнаго надзора, до крайности ихъ опустошали. Здѣсь я узналъ, что Кашианъ-Паша получилъ повелѣніе возвратиться въ Дарданеллы.

Я выѣхалъ опсюда на другой день по полудни; дорога сначала была изрядная; но скоро спала хуже проѣханной мною на каюнь: Ъхавъ долгое время по каменьямъ, нанесеннымъ испочниками, спустились мы въ глубокое ущеліе, куда лучи солнечные никогда не проникають: Съ трудомъ пересступалъ я шагъ за шагомъ, ведя лошадь мою за поводъ; подо мною были ужасныя пропасти, нѣсколько уродливыхъ сосенъ и шерновники, выбѣжавшіе изъ расѣлинъ скалы; вокругъ меня мершвое молчаніе: иногда шолько; и шо послъ долгой разспановки, ржаніе моего коня или спукъ сабля по кочкамъ упеса, пробуждали шамъ унылые опголоски. Небо нахмурилось, подобно моимъ думамъ; густыя шучи накаплиались надъ головою. Тогда мысль моя перенеслась къ горесшнымъ случаямъ моей молодосши, о кошорыхъ я безъ груспи не могу вспомнишь; я сближалъ между собою шяжкія сіи времена; миѣ казалось, что здѣсь могъ бы я оспановишься. За чѣмъ долѣе гоняшься за своенравною судьбою, кошорая выслала меня изъ опечесшва въ спрапу бѣдспвій, что бы жишь одинокимъ посреди народа, коего нравы и обычаи были для ме-

ня чужды, а языкъ почти незнакомъ? . . .
Я думалъ о Франціи! . . . Въ семъ дикомъ
мѣстѣ, унылыя мечшы мои запечатались
чѣмъ-то шоржеспивеннымъ!

Я былъ пробужденъ опъ сего забвенія мо-
ими солдапами, копорые загъли свои пѣсни
свободы. Прогнавъ докучныя воспоминаія,
съ сердцемъ, полнымъ надежды, продолжалъ
я свой пущь. Взоры мои оспановились на
прелесной долинь, въ копорой увидѣлъ я
многія деревушки и развалины древняго зам-
ка на холмѣ.

Мы оспавили вправѣ селеніе Дару, по-
строенное у подошвы высокихъ горъ, засло-
няющихъ долину съ Сѣвера, и приѣхали въ
Пангради, небольшую деревню, содержащую
въ себѣ около пятидесяти домовъ. Съ эпо-
го военного пункта дѣлались наблюденія по
дорогѣ къ Калавришѣ.

Переночевавъ здѣсь, осправились мы въ
пущь до разсвѣта и ѣхали нѣсколько вре-
мени по хребту горы. Ошсюда спустились
мы по самымъ дурнымъ дорогамъ и наконецъ
завидѣли живописныя мѣстоположенія Ар-
кадіи. Въ глубинѣ прелеснѣйшихъ долинь,
окруженныхъ высокими горами, копорыя по

въ безплодныхъ и неспроивно-взгроможденныхъ скалахъ, по съ покрытыми густымъ лѣсомъ вершинами, представляють ежеминутно самыя удивительныя виды, — шепчуть, подъ свѣсомъ насажденныхъ природою прекрасныхъ яворовъ, рѣка Алфей, украшающая сію очаровательную страну своимъ пихимъ ропотомъ, водопадами и именемъ.

Многочисленные спада, пасомыя молодыми дѣвушками, утоляли жажду въ водахъ его; пѣсни земледѣльца и свирѣль паспуха наводили на душу сладкія мечты и заспавляли на минушу забываять ужасы войны.

Прибывъ въ селеніе Плагнишери, я спѣшилъ увидѣть одинъ изъ источниковъ Алфея, называемый Кефаловризи. Онъ вытекаеть обильнымъ ключемъ и соспавляетъ собою родъ пруда съ чистую, какъ хрусталь, водою. Здѣсь высокіе яворы производятъ своею сѣнью, среди лѣшняго зноя, пріятнѣйшую свѣжестъ. Мнѣ сказывали, что сія прозрачная вода спановишся мушною во время сильныхъ дождей. Безъ сомнѣнія, какое нибудь баснословное преданіе основывается на семъ явленіи; здѣсь никшо не можеть мнѣ сказашъ о немъ, а невѣрная моя па-

мѣшь напрасно опыскиваетъ имя Нимфы, шрепешъ копорой возмущалъ такимъ образомъ воды сего источника въ шощъ мигъ, когда раздавался спрашнѣй голось Юпишера.

Съ сожалѣніемъ оспавилъ я сіе мѣсто и пуспился по крушой дорогѣ, лежащей во-кругъ холмовъ, покрышыхъ зеленѣющими дубами, дикими куспарниками и ведущей въ красивую долину Содіанскую. Мы оспавили влѣвъ деревню Содіану и, пробравшись чрезъ шѣснины горы Хемносской, прибыли въ Кавлавишу.

Сей городъ, главный въ обласпи его имени, имѣетъ 4000 жишелей. Онъ не поспрадалъ ошъ войны: Турки, въ немъ обипавшіе, были захвачены безъ сопротивленія. Я видѣлъ Воеводу и Кади, копорымъ собспвенные ихъ дома служили шемницею. Они были въ безпреспанномъ спрахѣ, пошому что всѣ проходившіе мимо ихъ домовъ Греки обращались къ нимъ съ бранью и угрозами. Ихъ не нужно было шперечь: они сами безпрерывно держали двери свои на замкѣ, и шперегли выходъ гораздо зашопливѣе, нежели самые ошпорожные шюрешники.

Сія обласць, состоящая изъ сѣверной Аркадіи и части Ахайи, заключаетъ въ себѣ около ста селеній. Доходы ея простираются до 1,500,000 піаспровъ и состоятъ по большей части изъ хлѣба, шелку, коринки и кукурузы.

Я не хотѣлъ пропустить случая увидѣть славный монастырь *Мега-Спилеонскій*, лежащій въ двухъ часахъ пути отъ Калавриты. Дорога туда пролегла по безмолвнымъ берегамъ Кериниша, текущаго подъ тѣнью яворовъ въ узкой и глубокой рытвинѣ. Мы скоро увидѣли монастырь, прилѣпленный, такъ сказать, какъ гнѣздо ласпки, къ спѣмъ горы Киллены; солдаты мои, увидѣвъ сіе знаменитое мѣсто, начали креститься и привѣщивали монастырь ружейными выстрѣлами; звонъ колоколовъ монастырскихъ и ружейныя выстрѣлы, коими намъ отвѣчали, отдавались въ сихъ ущеліяхъ, подобно рокошу грома.

Монахи встрѣтили меня и ввели въ сію нудную обитель, гдѣ я нашелъ многія семейства знаменитѣйшихъ жителей той страны, скрывшіяся здѣсь съ своими драгоцен-

носпями, какъ въ самомъ благонадежномъ мѣстѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, сія единственная въ своемъ родѣ крѣпость, можетъ почесаться неприступною. Она есть не что иное, какъ обширная пещера; скала составляетъ прищороны и крышу монастыря, шакъ, что онъ имѣетъ одну только лицевую стѣну, въ кошорой пробито множество оконъ. Едва приступный входъ запирается толстыми ворошами, кои покрыты желѣзными полосами и ограждены бойницами. Я видѣлъ всѣ приспособленія на случай долговременной осады, кошорую рѣшаются выдержатъ добрые иноки, преобразившіеся въ воиновъ. Монастырь имѣетъ библіотеку, содержащую въ себѣ творенія Церковныхъ Отцевъ и классиковъ Греческихъ.

Три дороги ведутъ изъ Калавриты въ Папрасъ: первая чрезъ гору Оленосъ, вторая чрезъ Воспицу, мимо Мега-Спилона, а третья долиною; я выбралъ послѣднюю: обѣ прочія суть только пропинки, кошорыя легко можно защищать. Моя дорога слѣдуетъ на три часа ѣзды по теченію Кериниша, черезъ кошорый повсюду можно пе-

реправишья въ бродъ, и пролегаешъ сквозь тѣснину *Кары*, названную шакъ ошъ испребленія шайки разбойниковъ, копорые изъ сего вершепа производили набѣги и грабили всѣ окрестности. Сіе мѣсто естъ послѣдній военный поспѣ съ эшой стороны; ошсюда начинающся болѣе и болѣе ошкрытая мѣста до самой долины Папрасской, куда мы спустились чрезъ семь часовъ по выходѣ изъ монастыря.

Гарнизонъ сего города, подкрѣпленный избѣгнувшими пораженія Турками изъ Лалы, и высаженными съ судовъ Албанцами, воспользовался ужасомъ, копорый навело прибышіе эскадры, и принудилъ Грековъ снятъ осаду: онъ даже захватилъ у нихъ при одной вылазкѣ чепыре пушки; не смолря на шо, по ошбышій эскадры; Греки, не боясь уже высадки, снова ободрились. Тано, почтенный спарсѣ, имѣющій великое вліяніе въ шой спранѣ, принялъ надъ ними начальство; они начинали уже спускашья въ долину и обложили крѣпость. Добрый Тано, коему любовь къ ошечеству возвращала силу цвѣшущихъ лѣтъ, занималъ монастырь

Омвлось, ошкуда безпрешанно шревожилъ неіріяшеля.

Эллины сдѣлали непроспительную ошибку, что съ самаго начала не обрашпили всѣхъ своихъ усилій прошивъ Папраса: они не постигали всей важности сего пункша, завладѣніе коимъ вело за собою немедленное паденіе всѣхъ замковъ, пошомъ Лепанша, кошорый не могъ запасаться иначе, какъ моремъ. Тогда, овладѣвъ заливомъ, шакъ какъ они овладѣли Навариномъ, имъ не нужно бѣ было спрашиваться съ эшой стороны, ибо шолько сей пункшъ Пелопонеза дѣйствитель-но слабъ. Имъ осшавалось бы шолько оберегашъ ущелія перешейка, шѣснѣе обложишъ Анапли, и шогда ничшо бы ихъ не безпо-доило на полуостровѣ.

Дорога изъ Патраса въ Коринѣ.—Тѣснины Св. Ирины и Маври—Либарія.—Развалины Сикіона.—Ссора Грековъ.—Перешикекъ.

Городъ Папрасъ лежишь въ полумили отъ моря; онъ построень по скамъ небольшой горы, на вершинѣ коей видна полуразрушеная крѣпость, единственная его защита. Число живущихъ въ немъ Турокъ состояло до войны изъ 4000, а теперь тамъ 6000, изъ коихъ половина вооруженныхъ. Съ помощію крѣпости, гарнизонъ съ самаго начала выгналъ отсюда Грековъ, коихъ было до 12,000.

Богатая обласъ Папрасская имѣеть 25,000 жителей. Она заключаеть въ себѣ большую часть Ахаіи. Произведенія оной состоятъ изъ коринки, ржи, ячменя и шелку, и приносятъ до 2,000,000 пиастровъ; сія сумма можетъ быть удвоена. Сверхъ того, обласъ по своему положенію сдѣлалась кладовою всей торговли Пелопонеза и залива съ Іонійскими островами и съ Италіей.

Я объѣхалъ всѣ стороны долины, равно какъ и хребетъ горы Панахайкосъ, и отъ

правился попомъ къ Коринѣу. Не имѣя возможности ѣхать по дорогѣ, лежащей вдоль морскаго берега, ибо Турки занимали всю страну до самаго замка, ошсшоящаго въ пяти миляхъ отъ Папраса, я пробирался по извилистой дорожкѣ въ Ксерокампо, и спустился на насшоящую большую дорогу у приспани Панормы.

Дорога сія довольно удобна до самой шѣснины Тирезіа, за копорою, оспавя горы, ошдаляющіяся отъ морскаго берега, она пролегаетъ по равнинѣ, пересѣкаемой многими ручьями. Упомленный зноемъ, оспановился я у прскраснаго испочника, подъ яворомъ. Между шѣмъ какъ я дивился эшому дереву, необыкновенному по своей шолщинѣ, мнѣ дали замѣшшть, что одна изъ главныхъ его вѣшвей ошбила громомъ и отъ шого дерево уменьшилось цѣлою прешью. Здѣшнее народное преданіе говоритъ, что Александръ Македонскій со всѣмъ своимъ войскомъ скрывался отъ солнечнаго зноя въ шѣни сего исполина лѣсовъ. Сія сказка, съ увѣренностію повшоряемая насшухами долины, носитъ на себѣ печать обыкновеннаго у шакыхъ людей преувеличенія. Со всѣмъ шѣмъ

можно безошибочно сказать, что яворъ сей могъ бы укрытъ подъ своими разкидистыми вѣтвями до тысячи человѣкъ; окружность его сѣни составляетъ до 50 сажень, поперечникъ пня имѣетъ 20 футовъ.

Я поднялся къ Воспицѣ по шѣсной пропикѣ. Сей городъ, построенный на развалинахъ Эгіона, гдѣ Агамемнонъ и Цари Пелопонеза поклялись разрушить Трою, есть главное мѣсто небольшой области, которая вмѣстѣ съ Пашрасскою заключаетъ въ себѣ нынѣ всю древнюю Ахаію. Доходы ея составляютъ до 1,500,000 піаспровъ; оныя получаюся отъ продажи здѣшнихъ земныхъ плодовъ и досужества жителей, изъ коихъ многіе занимающія шелководствомъ. Жителей здѣсь только 7000 душъ. Несчастный сей городъ едва начиналъ возникать изъ развалинъ; онъ разрушенъ землетрясеніемъ въ 1817 году, а потомъ сожженъ былъ Турками въ началѣ войны.

На другой день рано поутру переправились мы черезъ рѣку Краѳисъ по каменному мосту, и скорѣ за шѣмъ проѣхали шѣснины Маври-Лиѳарійскія и вступили въ Коринѳскіе предѣлы.

Сія область, менѣе другихъ разоренная подѣ управленіемъ Кямилъ-Бея, естъ одна изъ богашѣйшихъ въ Пелопонезѣ: здѣсь счисляется 130 селеній, доходы ея проспирающіяся до 3,000,000 піаспровъ и получающіяся опѣ продажи ячменя, ржи, оливковаго масла, сыру, изюму и шелку.

Замѣчательно, что въ ней почти вовсе нѣтъ того мелкаго винограду (коринки), который опѣ нее получилъ свое названіе.

Мы проѣхали плодоносную долину, огражденную съ Юга мѣловыми горами, и, поворошия вправо, вѣхали въ Василику. Сія деревня, вмѣщающая въ себѣ около 50 Албанскихъ семействъ, стоишь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ Сикіонъ.

Стѣны сего знаменишаго города опоясываютъ проспіранную площадь, показую со стороны равнины и оканчивающуюся съ Востока и Запада глубокими оврагами, по которымъ текутъ Азопъ и другая небольшая рѣчка, приводящая въ движеніе нѣсколько мѣльницъ. Почва ровная и воздѣланная, усеяна обломками глиняныхъ издѣлій и кирпичами. Подножія стѣнъ мѣстами еще не разрушены; Теапръ, Спадій и большая Римская раз-

важна — вошъ единственныя оспашки города, бывшаго нѣкогда богатѣйшимъ въ Пелопонезѣ, колыбелью Изящныхъ Искусствъ.

Цишадель была построена на косѣ, протягивающейся къ Коринѣу; видны еще слѣды оной, равно какъ и многія подножія Дорическихъ колоннъ, копорыя, думаю, принадлежали къ храму Церерину. Видна также четверугольная бойница и оспашки стѣны, коею ограждался сей пунктъ въ среднихъ вѣкахъ; подлѣ находящіяся лѣспница, ведущая въ подземелье. Тамъ есть двѣ разрушенныя часовни и колодезь, въ кошоромъ Албанки моютъ бѣлье и черпаютъ воду,нося ее въ боченкахъ за спиною; онѣ сходятъ въ сію полоскальню по небольшой крушой дорожкѣ; копорая, какъ замѣтно, вела ко входу въ цишадель.

Стѣна, копорою поддерживается окончность Сшадіа, есть истинно Циклопское произведеніе; если исключить нѣсколько мраморныхъ колоннъ, употребленныхъ въ дѣло при постройкѣ новыхъ церквей, всѣ прочіе оспашки сего зданія изъ проспаго камня.

Театръ упирается въ другую гладкую, покашную скалу, на кошорой нѣкогда сплясывали

Римскій Акрополисъ. Въ окружности онъ имѣетъ 300 шаговъ; для помѣщенія зритель-лей, находился въ немъ 80 уступовъ; два подземельные его входа, построенные изъ огромныхъ камней, служатъ нынѣ убѣжищемъ для пастуховъ и спадъ ихъ. Съ сего Театра, сооруженнаго на весьма выгодномъ мѣстоположеніи, взоръ обнималъ въ одно время памятники Сикіона, долину Коринѣскую, высокую цитадель этого города, синющіеся верхи Парнасса и Геликона, отражаемые тихими водами залива, и перялся на перешейкъ и на моръ Эгейскомъ.

Тихо возвращался я домой, дыша на свободѣ пріятнымъ, чистымъ воздухомъ и съ удивленіемъ разсматривая прелестные опшѣнки, копорыми заходящее солнце разцвѣчивало Киферонъ и горы Мегаридскія. Вдругъ прибѣжалъ ко мнѣ Офицеръ съ извѣстіемъ, что между солдатами моими и Капитана Панно (*) произошла драка, копорая могла навлечь важнѣйшія непріятности. Они переспрѣвливались уже изъ ружей; одинъ изъ

(*) Старшій сынъ Колокопрони; выше мы видѣли, что онъ былъ отправленъ къ перешейку Коринѣскому. *Приж. Сог.*

нашихъ былъ убитъ, а раздраженные его товарищи принудили зачинщиковъ драки запереться въ одномъ домѣ и тамъ ихъ осаждали.

Наступила ночь и могла служишь покровомъ большимъ безпорядкамъ. Я велѣлъ унести убишаго, кошораго видъ еще болѣе раздражалъ осаждавшихъ, и успѣлъ ихъ опсдѣлишь, приказавъ ударишь шревогу за селеніемъ. Надобно пожишь между шакими войсками, чшобъ узнать всю цѣну воинской подчиненности. Мои солдаты имѣли о ней еще слабое понятіе; а безъ нее, какъ извѣстно, бывали великія бѣды.

На другой день все было забыто: я велѣлъ разкупорить нѣсколько боченковъ вина, кои были причиною сего происшествія. Убитый былъ похороненъ, получивъ *последнее цѣлованіе* отъ всѣхъ своихъ товарищей. Въ Греціи ведется издавна сей обрядъ: всѣ друзья и единовѣрцы цѣлуютъ въ лобъ покойника; обычай эшотъ шрогаетъ душу.

Въ шотъ же день произошла и другая ссора: по поводу раздѣла съшсныхъ припасовъ, Панно поссорился съ Θεодораки-Ренди,

Примасомъ Коринѣскимъ, прибилъ его и даже ранилъ въ голову, шакъ что бѣдный Θεодораки залился кровью. Такіе насильственные поступки начальника были весьма худымъ примѣромъ для солдатъ: они укореняли въ сихъ воинахъ грубость нравовъ и замедляли успѣхи образованія, приличнаго народу свободному, которое вожди благомыслящіе старались ввести у Грековъ.

Бѣдный Ренди совсѣмъ потерялъ голову отъ сего случая, бывъ уже до того сильно огорченъ разстройствомъ своего имуществва со времени войны. Мать его была кормилицею, а онъ другомъ Кямилъ-Бей, и по тому онъ мало потерпѣлъ отъ шираниства Турокъ; съ горестію смотрѣлъ онъ на новый порядокъ дѣлъ, предвѣщавшій ему одни несчастія. Несогласіе сего Примаса съ образомъ мыслей, вооружившимъ Еллиновъ, оправдывало въ нѣкоторой степени вспыльчивость Панно, но ошибкою не оправдывало ея послѣдствій.

Я проѣхалъ долину Коринѣскую во всю ея длину по дорогѣ къ перешейку. За исключеніемъ разбросанныхъ кучами деревьевъ, осѣняющихъ своею зеленію по нѣскольку

домовъ, и масличной рощи на западномъ краю города Коринѳа, долина сія совершенно безплодна. Бѣловатый, глинистый кряжъ земли ея неспособенъ къ воздѣланію.

Я остановился, чѣмъ издали разсмотрѣвъ вѣтхую крѣпость, осаждаемую жишелями Дервендскими, и ночевалъ въ красивомъ домѣ Кямилъ-Бей, въ деревушкѣ, называемой Эксамиліею, по причинѣ пространства, раздѣляющаго въ эпомъ мѣстѣ два моря.

На другой день я объѣхалъ перешеекъ, болѣе изъ любопытства, нежели съ какою-либо другою цѣлію. Я очень зналъ, что пѣнины горы Гераніанской служатъ надежнѣйшимъ оплотомъ Пелопонезу, нежели вся та сторона, копорую я хотѣлъ обозрѣть; однакожъ можно было воспользоваться ея пригорками и оврагами для построенія хорошихъ оборонительныхъ линій.

Коринѳскій перешеекъ перерѣзанъ, изсѣченъ и изрытъ работою всѣхъ народовъ, копорые попеременно занимали Пелопонезъ; проѣзжая по оному, можно слѣдовать за успѣхами искусства въ оборонѣ мѣстѣ. Здѣсь видишь начатый каналъ, копорый природа и возвышенность земной почвы препят-

спивовали окончишь, толстую степь со рвомъ, проходящую отъ одного конца до другаго; обломки нѣсколькихъ башень, развалины небольшой крѣпости, наконецъ редуты Венеціанъ, кои прощянули свои линіи до высокихъ, утесистыхъ горъ Коринѣскихъ и дополнили ихъ широкимъ рвомъ, проведеннымъ отъ города до Лехея, гдѣ они построили большой редутъ, открытый съ моря.

Я удалился отъ сихъ памятниковъ раздора, непрестанно шерзающаго сію несчастную страну, чѣмъ взглянувши на мѣста, гдѣ нѣкогда праздновались игры Истмійскія, привлекавшія со всѣхъ концовъ Греціи народъ, спрашивъ ко славѣ всякаго рода. Теперь едва ли оспались нѣкоторыя признаки храма Нептунова; сосновая роща, въ кошорой побѣдишель увѣнчивался при восклицаніяхъ народныхъ—исчезла; Театръ, лишенный своихъ украшеній — разрушается; бѣдный пасхухъ пасъ своихъ козъ на Спидіи и онъ одинъ напомнилъ мнѣ, что я обрѣшаюсь въ опечесивѣ Пиндара: онъ пѣлъ подвиги Эллиновъ, паденіе варваровъ и возраждающуюся свободу!

Поездка на острова—Состояніе Греческой морской силы. — Возвращеніе въ Пелопонезъ. —

Малвазія.

Я соби́рался осмо́трѣть уще́лія и скалы Скиронейскія, когда получилъ отъ Князя Ипсиланши приглашеніе объѣхать Архипелагъ, ко́порый находился тогда въ величайшемъ безпокойствѣ. Я долженъ былъ узнать, ко́порые острова могутъ держаться противъ нападенія непріятельскаго флота, дабы снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ, и перевезти на оныя жи́телей тѣхъ острововъ, ко́порые не въ состояніи сопротивляться.

Я прибылъ въ Кенхріесь (*) 20 Октяб-
ря. Между тѣмъ, какъ дѣлали пригото-
вленія къ отъѣзду, я пошелъ посмотре́ть, на
возвышенномъ берегу, составляющемъ при-
стань, башню, построенную Венеціанами,
и служившую вмѣстѣ и спрѣльницею и мая-
комъ. Я дознался, что она изъ спариннаго
камня и вспомнилъ, что нахожусь на томъ
мѣстѣ, гдѣ была Кенхрея, одна изъ двухъ

(*) Таможенная застава, при которой есть нѣ-
сколько анбаровъ для складки.

приспаней, принадлежавшихъ Коринѳянамъ, шѣмъ болѣе, что она сохранила свое имя съ нѣкопорою переменною. Я опыскалъ обломки колоннъ, слѣды многихъ оградъ, полукруглую снѣну приспани, нѣсколько подземныхъ ходовъ, ведущихъ къ морю, и, въ нѣкопоромъ разсполнѣи къ сѣверу, циперны и гробницы въ скалѣ, возвышающейсѧ опѣсно на морскомъ берегу.

Я пошелъ послѣ шого *къ Елениной купальнѣ*, носящей и шеперь еще сѣ названіе: эшо водоемъ, изрышый въ скалѣ и наполняющійсѧ изъ одного ключа соленою и нефписшою водою, копорою шамошніе жили приписывающъ цѣлебное свойство; опскуда она изливаетсѧ въ небольшой каналъ, приводящій въ движеніе мѣльницу. Немного подалѣ я видѣлъ нѣсколько обломковъ мрамора и шуловище спашуи, драпированной съ большимъ искусствомъ.

Я счелъ бесполезнымъ ѣхашъ въ Саламинъ, хопѧ сѣй оспровъ и сдѣлалсѧ, какъ во времена Ксерксовы, убѣжищемъ семействъ Аѳинскихъ: его положеніе въ самомъ концѣ залива обезопасивало его опъ покушеній Турецкаго флота; къ шомужъ, онъ не пред-

спавлялъ никакой приманки для моего любопытства. Я сошелъ на берегъ въ Эгинъ, чшобъ осмошрѣшь храмъ Юпишера Панелленійскаго. Здѣсь видна древняя площадь, образующая собою приспань, и въ нѣкошоромъ ошъ нее распояніи множесшво обломковъ, гробницъ и большая дорическая колонна, принадлежавшая къ храму Непшунову.

Жишели ошрова шолько за нѣсколькo лѣшъ начали селишся близъ приспани; прежде они шѣснились на вершинѣ крушой горы, гдѣ былъ древній городъ, коего слѣны и донынѣ видны.

Меня изумило различіе сего ошрова съ швердою землею, на кошорой шолько хорошихъ земѣль оспающся невоздѣланными. Здѣшняя почва, ошъ природы не плодоносная, повсюду окружена низкими оградами изъ булыжника, и обрабошана съ величайшимъ спараніемъ. Послѣ я удивлялся и на всѣхъ другихъ ошровахъ шѣмъ же самымъ усидіямъ досужей свободы: шамъ нѣшъ ни одного Турка.

Храмъ Юпишера, посшроенный какъ и всѣ храмы древности, на самомъ видномъ мѣсшѣ, довольно хорошо было сохранился,

будучи по счастью удаленъ опъ приспани; но Англичане опыскали его и въ пуспынѣ, и присвоили себѣ его спашуи (*). Я видѣлъ оплитые изъ алебастра слѣпки спашуй, украшавшихъ фроншонъ: онѣ предспавляющъ главнѣйшихъ героевъ Троянской войны; шѣла, показывающія оплитный вкусъ Художника, сущъ произведенія искуснѣйшаго рѣзца; но всѣ головы напоминающъ сухоспъ Художеспва, когда оно было еще въ дѣшспвѣ. Конечно запѣйливый ваяшель кошѣлъ въ спочноспи соблюспи образцы, переданные ему древноспію; слѣдовашельно эспи головы весьма драгоцѣнны по сходспву лицъ и по вѣрноспи въ уборкѣ волосовъ.

На многихъ даже изъ нихъ волосы оплиты изъ свинца и прикрѣплены къ вискамъ; ибо въ самыя древнія времена симъ сполько способомъ спчитали за возможное предспавитъ уборку волосовъ, кошторы носили спогда въ небольшихъ, однообразныхъ кудряхъ, симметрически расположенныхъ на челѣ.

(*) Приобрѣтеніе драгоцѣнныхъ сикъ оспашковъ и фризовъ Пареенона, сущъ права Англичанъ на уваженіе любиспелей Художеспвѣ.

Храмъ построень по дорическому чину; 25 колоннъ съ архиправами еще цѣлы и спояшъ, какъ величавые признаки одного изъ превосходнѣйшихъ памятниковъ древности.

Спелая подъ унизишельнымъ ярмомъ Опшомановъ, Греки находили опраду въ воспоминаніяхъ, смопря на памятники славы своихъ предковъ. У нихъ опняли и сіи мечпы. Спекулашоры, скрывая разчешливостъ свою подъ предлогомъ любви къ Изящнымъ Искусшвамъ, за небольшіе подарки Папамъ безъ дальняго шруда получали опъ невѣжесшва право—обнажашъ Грецію опъ ея образцовыхъ произведеній. Такъ изъ Аѳинъ Лордомъ Эльгиномъ, вывезены даже мешопы Парѳенона; храмъ Фигалійскій лишился фризовъ, украшавшихъ его по всѣмъ спѣнамъ, а изъ Эгинскаго взяпы самыя лучшія спашуи (*).

Умолчу о множесшвѣ мраморовъ и спашуй, вырышыхъ изъ нѣдръ земли, куда, казалось, время погрузило ихъ, дабы скрышъ опъ варваровъ, и нѣкогда возвращишъ про-

(*) По крайней мѣрѣ всѣ сіи сокровища сохранены для любителей Изящныхъ Искусшвъ: кшо зналъ, какая участь ожидала въ самой Греции сіи остатки славы ея Художниковъ?

будившейся Греції, кошорой они снова должныствовали бытъ славою и украшеніемъ.

Вы, пробѣгающіе въ счастливыя минушы досуга свои Музеи, и гордящіеся симъ множествомъ превосходнѣйшихъ образцевъ Искусства, вспомните, смотря на нихъ, что это послѣднее пріобрѣтеніе, сдѣланное у народа, кошорому мы обязаны Искусствами, Науками, всѣми благами просвѣщенія!

Прежде нежели я оставилъ островъ Эгину, я вкусилъ на немъ пріятнѣйшее наслажденіе: толпа изгнанниковъ окружила меня съ изъявленіемъ чувствительнѣйшей благодарности къ Французамъ, спасшимъ ихъ отъ гибели въ Смирнѣ. „Чѣмъ мы заплашимъ за всѣ сіи благодаренія?“ восклицали эти бѣдные люди, и слезы ихъ омывали мои руки. И я самъ какъ могу изъяснить благодарность мою достойному нашему Генеральному Консулу, Консрѣ-Адмиралу Галгану, и храбрымъ нашимъ морякамъ, коихъ великодушныя поступки дали новую пищу народной моей гордости!

Г. Давидъ пріобрѣлъ право на уваженіе двухъ народовъ: благородная пвердость сего достойнаго представителя своей націи

доспавила ему почтеніе равно опъ всѣхъ. Турки не щещино прибѣгали къ его ходатайству, и должно сказать, что онъ употреблялъ все свое вліяніе на Грековъ только въ защиту праваго дѣла. Однажды (это было въ концѣ Декабря) Турецкое судно взято было при входѣ въ заливъ Смирнскій судномъ Ипсаріоповъ. Паша просилъ Г. Давида вступиться въ это дѣло. По первой просьбѣ Консула, начальникъ Ипсаріопскаго судна оппустилъ то, которое имъ было захвачено, не взявъ никакого выкупа. „Я очень счастливъ, говорилъ онъ, что могу чрезъ сіе доказать Г. Давиду почтеніе, которое пишу къ мужу, извлекшему изъ челюстей смерти нѣсколько тысячъ Грековъ: всѣ они горятъ желаніемъ воздать ему долгъ своей благодарности.“

Въ другое время, по одному письму Г. Давида, Спеціалы возвратили, не пронувъ, весь грузъ Варварійскаго судна, ими плененнаго.

Не знаю, кому болѣе чести приносятъ сіи поступки: Грекамъ или Французскому чиновнику?

На другой день прибылъ я въ Идру, и нашелъ тамъ жишелей еще въ большемъ спра-

хъ, нежели въ первый мой прїѣздъ. Ни взятіе Триполицы, ни Пашраса, ложно здѣсь возвыщенное, не успокоивали начальниковъ сего оспрова; многіе даже попохоньку опправляли свои деньги въ Тріеспъ. Народъ, изъясняя болѣе и болѣе насильственныя прѣбванія, грозилъ богатымъ людямъ, что въ случаѣ появленія Турецкаго флота передъ оспровомъ, свяжетъ ихъ и выдаспъ непріятелю, если они не подадутъ помощи въ общей бѣдности.

Въ сихъ пѣсныхъ общояшельспвахъ, вооружили только 35 судовъ, въ слѣдъ за которыми должны были выступить еще 12.

Высадки бояться было не для чего; но легко было брандерами испребишь всѣ суда, споявція бордъ о бордъ на якоряхъ и въ опкрыпомъ мѣспѣ. Сей случай могъ бы нанести смертельный ударъ дѣлу Грековъ.

Мы положили мѣры къ наведенію площинъ (estacades) при первомъ признакѣ опасности.

Идра имѣетъ 6000 моряковъ и 100 судовъ, изъ копорыхъ по средней мѣрѣ каждое въ 300 шоннъ, и на всѣхъ 2,000 артиллерійскихъ орудій.

Ипсара (*), передовая спража Греціи, и Спеція, вмѣстѣ взящія, заключающъ въ себѣ шакую жѣ морскую силу; присовокупивъ къ нимъ машросовъ съ другихъ оспрововъ, шакже изъ Граниди и Галаксиди, общая морская сила Эллиновъ просшираетсѣ до 206 хорошихъ судовъ, вооруженныхъ 4000 пу-

(*) Сначала войны Турецкій флотъ, вышедшій изъ Дарданеллъ, пуспилсѣ къ Родосу, чшобъ соединипсь сѣ флотомъ Паши Египетскаго. Одинъ корабль, не поспѣвъ во время, не могъ выпши вмѣстѣ и спѣшилъ догнашь его. Появленіе чепырехъ Ипсаріопскихъ судовъ, крейсировавшихъ у Тенедоса, встревожило его; опасаясь ночнаго нападенія, онъ хотѣлъ спашъ на якорь въ заливѣ Адрамитскомъ у Мипилены, и сѣлъ на мѣль. Греки, увидѣвъ сѣ разсвѣшомъ его положеніе, пыталисѣ сбишь его слабою своею аршиллеріею; но видѣ, чшо всѣ ихъ усилія бесполезны, снарядили наскорѣ брандеръ, кошорый имѣлъ совершенный успѣхъ. Турки, избѣгая опъ пламени, пожиравшаго ихъ корабль, бросились на челноки, чшобы спасписѣ на швердой землѣ; они были шамъ встрѣчены Греками, кои сдѣлали высадку, чшобъ отрѣзашъ имъ всѣ пуши къ спасенію. Это былъ первый опышь Грековъ. *Сог.*

шекъ и экипажемъ, состоящимъ изъ 15,000 превосходныхъ моряковъ.

Народъ, превозимый желаніемъ спастись на ряду другихъ народовъ, способенъ къ великимъ предпріятіямъ, когда національный вошпоргъ поддерживается спроями воиновъ, смопрятшихъ на смерть какъ на убъжище ошъ Турецкаго рабства, и морскимъ ополченіемъ, соспавленнымъ изъ людей искусныхъ и опважныхъ.

Если бы предсказатели не вышли изъ общей довѣренности въ Европѣ, то я не побоялся бы ушверждать, что до исхода десятилѣтня сѣя рождающаяся морская сила будетъ имѣть нѣкошорый вѣсь между Державами, оспоривающими другъ у друга власшь надъ морями.

Я объѣхалъ одну за другою всѣ Циклады, и убѣдился, что непріятельскій флотъ не спанетъ шерять времени на то, чтобы опустошать острова, коихъ судьба тѣсно связана съ судьбою Пелопонеза, и что въ случаѣ нападенія опдѣльных судовъ, острова сѣи въ состояніи пропивишья нечаяннымъ ихъ покушеніямъ (*).

(*) Въ самомъ дѣлѣ, никакого покушенія не бы-

Всѣ, съ самаго начала, радостно водрузили Крестъ свободы: одинъ оспровъ Сира удерживался опъ сего великодушнаго движенія. Жытели Римско-Каполическаго исповѣданія, покровительствуемые Королемъ Французскимъ, менѣе другихъ поспрадали опъ Турокъ, и вмѣнили себѣ въ обязанность успранить жребій свой опъ жребія своихъ собратій. Не знаю, почщеніе ли они опъ шого спали въ глазахъ другихъ; но шо вѣрно, что когда Греція завоюетъ свою независимость, шо какъ они не участвовали въ ея опасностяхъ, посему и недостойны будутъ раздѣлять съ нею общее благо. Мнѣ не трудно было предвидѣть, что вражда, долженствующая породиться опъ

ло прошивъ сихъ оспрововъ. Только въ Микони Алжирскій фрегатъ высадиъ 200 чловѣкъ, которые были опражены съ пошерю.

При семъ случаѣ, великодушная Мадонъ обошла весь оспровъ, внушая въ единоплеменцевъ свое рвеніе.

Эта прекрасная Миконянка опвергла всѣ предложенія многочисленныхъ жениховъ, опсправивши ея руку, говоря: *Я выйду замужъ только за свободнаго чловѣка. Сох.*

сего раскола, будетъ безконечнымъ источникъ затрудненій для Французскаго морскаго поста (station), на который возложена шрудная честь — покровишельствовать Левантскихъ Каполиковъ.

Я кончилъ свой военный объѣзъ 3 Ноября, и поплылъ въ Малвазію, откуда переправясь въ Триполицу, долженъ былъ объѣхать Лаконію и оспальную часть Аркадіи.

Я чуть было не потерпѣлъ кораблекрушенія въ самой приспани: ночь была бурная и мрачная, вѣсперъ жестокой; мы оспановились въ милѣ отъ города на сѣверь, и насъ едва не бросило на скалы, окружающія берегъ. Счастливыи случай принесъ насъ къ спаринной приспани Юпишера - Избавишеля, гдѣ намъ можно было укрышья. Я послалъ сыскашъ лошадей въ Малвазіи; какъ скоро ихъ привели, я осправился изъ сего приморскаго города, споль справедливо названнаго (*).

Восходившее солнце освѣщило передо мною, въ нѣкошоромъ разспояніи отъ берега, раз-

(*) Древнее имя его ешъ *Монемвасія*; нынѣшнее опзывается *худомъ* или *бѣдою*.

Примѣх. Руск. Переводъ.

валины Эпидавра. Сей городъ, коего не должно смѣшивать съ городомъ того жъ имени, славнымъ по находившемуся въ немъ храму Эскулапову, называется нынѣ Палеа-Эмвазія. Спѣны его, спранныя смѣсь обломковъ древности и среднихъ вѣковъ, сложены изъ огромныхъ камней, безъ всякой правильной садки; малыя чешвероугольныя башни мѣстами ихъ сдерживаютъ. Доля, отдѣляющій нынѣ сіи развалины отъ моря, сосна-вился изъ наноснаго водою песку.

Иссохшіе отъ солнечнаго зноя шрупы, оспашки шалашей и груды камней, за которыми Эллины прячущся въ засаду для удержанія пословъ своихъ, показали мнѣ мѣсто ихъ военного спана во время осады и поприще ихъ битвы. Немного спусти я прибылъ къ мосту, соединяющему съ твердою землею малый островъ, на которомъ стоялъ Малвазія, и не могъ удержаться отъ удивленія, видя, что такая крѣпость пала предъ Греками. Городъ лежитъ на югъ-востоку, окруженъ слабыми спѣнами, и примыкаетъ къ одной скалѣ, очень высокой и имѣющей совершенно видъ сахарной головы; на вершинѣ ея находил-

ся цитадель. Туда всходящъ по крутой, извилистой пропinquе, при каждомъ оборотѣ коей можно сбивать непріятеля; природа сама укрѣпила это мѣсто, а стѣны построены только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ думали помѣстить башни. И сію по крепость, не скажу непреодолимую, но неприступную, безопасность Турокъ оставила безъ запасовъ! Почти весь порохъ оставался еще и донынѣ отъ времени Венеціанъ, и я замѣнилъ въ магазинахъ бомбы, ими начиненныя, равно какъ и пищали съ колесцами (*arquebuses à rouet*).

Правда, что какъ военный пунктъ, она мало представляеть выгоды: дороги отсюда внутрь страны дурны и лежатъ по горамъ и ущеліямъ; почему она, въ собственномъ смыслѣ, есть только надежное убѣжище. Прислать ея не очень хороша и не защищена отъ восточныхъ и южныхъ вѣтровъ.

Малвазія, называемая у Грековъ Монемвазія, есть главный городъ небольшой и неплодородной области, кою доходъ составляетъ только до 300,000 пиастровъ.

Превосходное вино, извѣстное подъ симъ именемъ, не здѣсь разводится; я нашелъ

оное только на оспровѣ Тино, гдѣ мнѣ
сказывали, что большая часть сего вина,
продающагося въ Европѣ, получается изъ
Иллиріи.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ съ Майнотами. — Лаконянки. —
 Происхождение Сфакотовъ. — Привыгге въ
 Мистру.—

Осправляясь изъ Малвазіи, нѣсколько времени мы ѣхали по старой нашей дорогѣ, а потомъ поворошили влѣво плодородною долиною. Я увидѣлъ красивый домикъ, обсаженный деревьями: по словамъ моихъ проводниковъ, здѣсь намъ должно было дожидаться восхода луны. Приближаясь къ домику, лошадь моя всполохнулась, и я спарался сквозь вечерній сумракъ разсмотрѣть, что было пому причиною: я проѣхалъ мимо мертваго шѣла; потомъ, приглядываясь, увидѣлъ еще нѣсколько шруповъ; вслѣдъ за шѣмъ вся земля была ими усыяна. Одинъ изъ проводниковъ подбѣжалъ на мое восклицаніе, и располковалъ мнѣ, что это шѣла 150 Турокъ. Въ одной вылазкѣ Малвазійскаго гарнизона, молодой Майнотъ хорошаго рода былъ взятъ въ плѣнъ и преданъ жестокой смерти въ виду своихъ воиновъ; тогда Майнопы, повинаясь только голосу меспи и

яроспи, бросились на своихъ военноплѣнныхъ и всѣхъ ихъ изрубили.

Я сказалъ моимъ проводникамъ, что мнѣ не нуженъ отдыхъ, и что мы поспихоньку поѣдемъ, ожидая луннаго свѣща. Луна освѣтила насъ, когда мы проѣзжали шѣснину, гдѣ 180 Турокъ были испреблены 20 Греками. Изъ сего-то разсшоянія сначала обложили они Малвазію. Мы спустились пошомъ въ каменистую долину, и въ два часа прибыли въ деревню Сикію; мы отдохнули до разсвѣща у Примаса, котораго мнѣ очень хвалили. Рѣдкая красота его жены напомнила мнѣ, что я въ опризнѣ Лакедемонянокъ. Я выѣхалъ рано; погода была холодная и сырая. Послѣ часовой ѣзды по долинѣ, гдѣ дождевая вода прорѣзала глубокія рыпвины, прибылъ я въ Капавроду, гдѣ былъ ласково принятьтъ родспвенникомъ Сикійскаго нашего хозяина, который далъ мнѣ въ проводники своего брата. Я спросилъ у него, почему эшо селеніе и многія другія, кои я видѣлъ по скашамъ горъ, до половины разорены; онъ со вздохомъ опвѣчалъ мнѣ, что всѣ сіи селенія были хороши и богаты до того времени, когда Албанцы

опустошили Морею. Я удалился отсюда, молясь душевно, чтобы нынѣшняя война не привела за собою такихъ же послѣдствій.

Дождь принудилъ насъ остановиться въ одной близлежащей деревушкѣ. Между тѣмъ, какъ мы грѣлись вокругъ большого огня посреди комнапы, кошорая насъ укрыла и была только одна въ домѣ, пяперо Майношовъ вошли шуда, и посмошрѣвъ на насъ внимательнѣе, усѣлись въ одномъ углу, откуда безпрестанно на насъ смошрѣли и перешептывались. Я вспомнилъ о весьма праведно заслуженной, хотя и не доброй славѣ сего племени — вспомнилъ, какъ усердно оно наблюдаетъ нѣкоторыя свѣтлыя законы Ликурговыхъ; почему, прежде отъѣзда, почелъ небезполезнымъ показать симъ Майношамъ, что я хорошо вооруженъ: пристально осмошрѣлъ мои пистолеты, шпунцеръ и ружья шрехъ провожавшихъ меня солдатъ.

Майношы пустились слѣдомъ за нами; я остановился. Тогда они вдругъ своропили съ дороги, и пошли почти рядомъ съ нами, жарко между собою переговариваясь. Я умѣрилъ шагъ, чтобы наблюдать за ихъ

движеніями; двое изъ нихъ опойшли въ спору и побѣжали въ деревню, гдѣ безъ сомнѣнія копѣли они найши подмогу; другіе же опъ насъ не опсшавали; опасаясь, чшобъ они не напали на насъ въ какомъ либо ущеліи, я пришпорилъ лошадь, и скоро мы потеряли ихъ изъ виду.

Часшъ Майношовъ была около Корона и Модона во время взяпія Триполицы. Они не могутъ упѣшишсья, что пропустили такой прекрасный случай для добычи; говоря о шомъ, они тяжело вздыхаютъ, и лица ихъ показывающъ самую забавную печаль. Въ такомъ горѣ, они вздумали вознаградишъ свою потерю на счетъ проѣзжихъ. По всему примѣнно, что хорошіе законы не скоро еще перемѣнятъ нравы сихъ горныхъ жителей.

Чрезъ два часа ѣзды, мы начали подниматься на гору, и увидѣли вѣтвь залива Колокицію и Ксили, кошорая лежишъ на скалѣ, имѣющей видъ острова. Дорога между утесистыхъ горъ спланировалась часъ опъ часу непроходимѣе; послѣ шрехъ-часовой, чрезвычайно утомительной ѣзды, добрались мы наконецъ до небольшой, хорошо обра-

бошанной долины, а немного спустя, до селенія Ніашы, гдѣ во всю дорогу мочившій насъ дождь принудилъ меня оспановишься на ночь.

Хошя я на каждомъ почши шагу убѣждался въ справедливоспи похвалъ, приписываемыхъ красощѣ Лаконянокъ; но не могъ удержашься отъ удивленія, видя двухъ хозяекъ дома, гдѣ я оспановился. Онѣ родныя сеспры, почши однихъ лѣтъ и были образцами красощы въ самыхъ плѣнищельныхъ черпахъ ея. Спаршая недавно еще вышла за мужъ, и казалось, чувспвовала всю важность новаго своего сосщоянія: она приняла меня безъ замѣшательсства, и не опнимая отъ груди, бѣлой, какъ лебеди Эвропаса, прелестнаго ребенка, кошорый лелѣялъ ее своими рученками. Другая, спыдливая дѣва, кошорой длинныя рѣсницы украдкою только поднимались, казалось, кошѣла скрышь нѣжный румянецъ, покрывавшій чело ея.

Мужъ спаршей сеспры былъ на войнѣ, а брагъ его смошрѣлъ за домомъ; эшо меня удивило. Но онѣ мнѣ сказали, что брагъ не согласился дашь ему позволенія ишши съ нимъ на войну. Опець ихъ умеръ, и

старшій братъ вспунилъ во всѣ его права. Сей старшій братъ неожиданно возвратился вечеромъ; я легко узналъ хозяина по спроному его виду, по угодливости къ нему всѣхъ домашнихъ, и по ихъ о немъ попеченіямъ.

Укушавшись въ свой плащъ, я взглянулъ на войлокъ, служившій вмѣсто постели двумъ сестрамъ; ибо хозяинъ мой, легши по другую сторону огня, готовился провести также одинокую ночь, какъ и я. Шушя, я ему за это выговаривалъ. „Боже, сохрани! опивчалъ онъ холодно. Война, есть година скорби и воздержанія.“

Съ начала войны, Греки смотрѣли равнодушно, даже съ отвращеніемъ, на прелестныхъ своихъ плѣнницъ. „Пули не миновали, бы ихъ, еслибъ они осквернившись пошли, въ сраженіе.“

Въ послѣдствіи, ведя жизнь кочевую, они допустили послабленіе въ сей числотѣ плѣнной; но истинные Эллы съ негодованіемъ восклицали: „Сии недостойные Хрисіане, разслабляющіе свое мужество, за, служивающъ смершъ; нечислая кровь ихъ

„не стойтъ уже быть пролипою подь ко-
„ругвио Кресша.“

На разсвѣтъ я оставилъ добрыхъ моихъ
хозяевъ, и поѣхалъ по очень дурной дорогѣ,
между ушесами и дикими пригорками. Я пе-
реѣхалъ чрезъ ручей Маріоревму подлѣ мсль-
ницы, въ двухъ миляхъ ниже деревни сего жъ
имени. Пошомъ я взѣхалъ на косогоръ, по-
крытый виноградниками и оливковыми дере-
вьями, между коими находится селеніе Ало-
пухори. Деревня сія была до войны обитая
Турками, кошорые разоряли весь здѣш-
ній край своими разбоями. „Путешествен-
„ники очень береглись проѣзжать по здѣш-
„нимъ окружностямъ, сказали мнѣ провод-
„никъ: если бы злодѣи вспрѣпили ихъ,
„по оставили бъ ихъ, какъ *iota*.“ (*)
Эпо выраженіе чрезвычайно мнѣ полюби-
лось; оно шакъ живописно, шакъ спра-
но — что я и теперь еще смѣюсь, вспо-
нивъ сго вмѣстѣ съ значительною ужимкой
моего проводника.

(*) *Иота*, Греческое І. — Употребленная здѣсь
поговорка можеть быть замѣнена Русскими
поговорами: *Облупить какъ линку, оставить*
голымъ, какъ перстъ. Пер.

На вершинѣ крушой горы, увидѣлъ я развалины города и крѣпости. Я сошелъ съ лошади, чѣобы взобраться на сей утесъ, на копоромъ приличнѣе жишъ орламъ, нежели людямъ. Меня удивило множествъ часовень, копорыя я шамъ нашель; въ одной изъ нихъ стоишъ надгробный камень, какъ-вые обыкновенно бывающъ на паперши Готическихъ церквей Римско - Каполическаго исповѣданія.

Пріѣхавши въ деревню Тераки, я спрашивалъ у подошедшихъ ко мнѣ спариковъ, извѣстны ли имъ видѣнныя мною развалины? Они ошвѣчали, чѣто давно, очень давно въ спарину, одна Царица владѣла большимъ городомъ въ долинѣ, чѣто она вела продолжительную войну съ Царемъ горнымъ, и принудила его запереться въ спѣнахъ своихъ; чѣто Царь, убоясь приступа, ушелъ изъ города со всѣмъ своимъ народомъ, а дабы не попрешествовали его бѣгству, велѣлъ музыкъ играть въ городѣ; чѣто войска Царицы, обманутыя сею хитростью, не прежде замѣтили его уходъ, какъ при дни спустя, когда онъ сѣлъ на корабли, и готовился оплышъ къ острову Крипу. Подъ пеленою

этой сказки можетъ быть скрывается происхожденіе Сфакіоповъ, племени никѣмъ не-покореннаго, которое прежде всѣхъ подняло на горѣ Идѣ знамя народное.

Мы переправились черезъ Зарафону и ночевали въ Агрониосѣ, красивой деревнѣ на холмѣ, покрытомъ шелковицами, которыя осень позлащала плодами ярко-желтаго цвѣта. Съ разсвѣтомъ мы выѣхали; время было холодное и дождливое; горный вѣтеръ, свисая въ изсохшихъ вѣтвяхъ сосенъ, сильно врывался подъ наши плащи, и грозилъ насъ опрокинуть въ ужасныя пропасти.

Подлѣ Цинцаны, одинъ человекъ подбѣжалъ ко мнѣ и просилъ меня оспановишься въ нѣкоторомъ опдаленіи отъ дороги; онъ показалъ мнѣ, безпокойно оглаadyваясь во всѣ стороны, нѣсколько вещицъ, похищенныхъ имъ въ Триполицѣ, и спрашивая, чего онѣ столятъ, просилъ меня купить ихъ. Онъ очень хотѣлъ сбыть ихъ съ рукъ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ владѣлъ ими, безпрестанно ему чудились воры за плечами.

Желаніе скорѣе поспѣть въ Миспру, заставило меня проѣхать деревню Хрисафу, гдѣ уговаривали меня оспановишься. Дождь

шелъ почти непрерывно прои сутки; дороги хошя и несовсѣмъ худы, но будучи проложены по глинистой землѣ, были шо скользки, шо вязки; спрана похожа на мрачную пущыню; сильный ливень падалъ съ облаковъ ручьями; ужасный громъ, ошдававшійся всѣми эхами горъ, рокошалъ надъ нашими головами. На каждомъ шагу должно было переѣзжать черезъ пошоки; мы гнали лошадей, потому что воды усилившись, могли бы насъ совсѣмъ ошпановишь. Къ счастью, мы начали спускашь сь горъ Менелайонскихъ и скоро подѣхали къ берегамъ Эвросаса, чрезъ кошорый съ поспѣшностью переправились вплавь: нѣкогда было искашь моста. Я былъ на равнинѣ Спаршанской; но промокну до костей и продрогнувъ отъ сильного холода, удовольствовался тѣмъ, что мимоѣдомъ привѣщивовалъ славныя развалины, и пуспилъ во всю прышь коня моего къ Миспрѣ, кошорую завидѣлъ у подошвы Тайгеша. Мнѣ и нужно было поспѣшишь!... Я былъ испощенъ холодомъ, усталостью и голодомъ.

Я скоро замѣшилъ, что Примаъ Креваша не расположенъ былъ дѣлать мнѣ ника-

Я осмошрѣль Миспру на другой день, опложивъ до хорошей погоды прогулку мою къ развалинамъ Спаршы, лежащимъ ошсюда въ одной милѣ.

Городъ Миспра поспроенъ амфитеатромъ у подошвы пасмурнаго Тайгеша; дома красивы; высокія деревья, нѣсколько кипарисовъ и множесшво ручьевъ, придающъ ему видъ живописный. Я замѣшилъ два водоема, сдѣланные изъ древнихъ гробницъ: одинъ былъ украшенъ вакханаліей опличной работы, а другой шремя фигурами дѣшей, поддерживающихъ плешеницу изъ плодовъ.

Я видѣлъ прекрасныя колонны въ церквахъ, коихъ спѣны предспавляли всякаго рода обломки опъ древнихъ зданій: капиштели, завипки, мраморныя доски съ надписьми и куски спашуй.

Съ запущенной крѣпости, споящей на самомъ высокомъ мѣспѣ города, видъ самый прелесшный. Я обнималъ взоромъ всю долину, по кошорой извиваешся Эвропась; среди виноградниковъ, щелковицъ и померанцовыхъ деревьевъ, я видѣлъ холмы Спаршы.

Обласшъ Миспра, одна изъ обширнѣйшихъ въ Пелопонезѣ, еспъ шакже и богашѣй-

тая: она заключаетъ въ себѣ лучшую половину Лаконіи, кою горная часть составляетъ область Малвазійскую. Главнѣйшіе доходы ея съ шелку, оливковаго масла и хлѣба, простираются до 3,000,000 пиастровъ. Они умножаются въ четверо, какъ скоро жилили, будучи благонадежны, что для себя самихъ собираютъ плоды трудовъ своихъ, щепетельнѣе займутся земледѣіемъ. Превосходныя земли, лежащія доселѣ впускъ подъ лозою Турокъ, будутъ обработаны; множество оливковыхъ садовъ привито; за шелковицами будутъ ходить старательнѣе, и трудолюбіе, дѣля свободы, научитъ новому способу опдѣлять шелкъ, который спавъ снова шѣмъ, что былъ прежде — важнымъ источникомъ прибытка, одинъ принесетъ вдвое противъ нынѣшнихъ доходовъ сей страны.

РАЗВАЛИНЫ СПАРТЫ. — АНЕКДОТЫ. — ВОЗВРАЩЕНИЕ
ВЪ ТРИПОЛИЦУ.

Ноября 8, первый лучъ солнца съ вершины Менелайона былъ для меня знакомъ отъѣзда къ Спаршѣ. Въ семь счастливомъ климатѣ, чистое небо и средь зимы ведешь за собою прекраснѣйшіе весенніе дни. Я переѣхалъ чрезъ небольшой ручей, по берегамъ коего росшеть высокій шпротникъ. Несчастныя Лаконяне не дѣлають уже изъ него вѣнковъ, какъ во дни ихъ славы, а плешуть рогожи, на кошорыхъ минушно забываютъ всѣ свои бѣдствія. Развалившійся водопроводъ довель меня до холма, въ который упирался шеашръ, одинъ памятникъ, кошорый лучше можно распознать. Ипподромъ сглаженъ съ земли, храмы разрушены, спѣны ципадеи почти исчезли, и поле на далекое протранство покрыто горами обломковъ. Я перебѣгалъ отъ однихъ къ другимъ, ища передъ шеашромъ гроба Леонидова, подалѣе — гроба Павзаніева, съ другой стороны поршика Персовъ и дворца Елены; но видѣлъ только безобразныя развалины,

кошорымъ ученые сиспематики придали имена. Тогда, ошбросивъ всѣ напрасные поиски, я сѣлъ на развалинахъ одного изъ сихъ памяшниковъ, проспыхъ и угрюмыхъ, какъ люди, ихъ сооружавшіе. Воображеніе мое перенеслось въ лѣпописи древноспи, но вдругъ одна быспрая мысль оспановила всѣ другія: мысль, что я на развалинахъ Спършы, и сражаюсь за ея независимоспъ! Я вообразилъ тогда себѣ сіи толпы храбрыхъ воиновъ, коихъ сердце кипитъ славою ихъ предковъ; едва свергли они съ себя узы рабспва—и уже сисяпся иппи по слѣдамъ сихъ предковъ знамениспыхъ. . . Я вскричалъ: „Клянусь сими развалинами—въ Греціи снова явяпся Леониды!“

Ручей, впадающій въ Эвропасъ, есть единспвенный признакъ того мѣспя, гдѣ былъ нѣкогда Плашаниспъ, лишенный украшавшихъ его деревьевъ. Моспъ, обогнувшійся чрезъ рѣку, ушвержденъ на оспашкахъ моспа Бабикса.

Двое поселянкъ, молопившихъ кукурузу близъ Ипподрома, подарили мнѣ нѣскольکو медалей; а самъ я опыскалъ неповрежден-

ную надпись на мраморѣ, который, по небольшой его величинѣ, взялъ съ собою (*).

Когда я возвратился въ Миспру, хозяинъ дома привелъ ко мнѣ молодаго Турка для хожденія за моими лошадьми. Видъ его мнѣ понравился; я сказалъ ему, что если буду доволенъ его службою, то чрезъ нѣсколько времени отошлю его въ Азію: онъ бросился къ ногамъ моимъ, и клялся быть мнѣ вѣрнымъ.

По выходѣ его изъ комнаты, добрый спарикъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Я выполнилъ ваше приказаніе, но позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ: берегитесь приближаясь къ себѣ эшу змѣю. Я знаю много соспрадапельныхъ людей, которые призрѣли сихъ изверговъ въ домахъ своихъ, и всѣ были жестоко вознаграждены за свое соспраданіе къ этому звѣрскому и мспишельному племени. Изъ тысячи при- мѣровъ, могущихъ привести въ содроганіе, расскажу вамъ объ одномъ. Одинъ Священ-

(*) Я оспавилъ его у Г. Фавеля въ Аѣинахъ, для препровожденія къ Конпръ - Адмиралу Галгану, назначая сей мраморъ для Королевскаго Кабинета. С.

„никъ, сбѣдъ и хорошій мой пріятель, бывъ
 „прѣ взяши Малвазіи, спасъ ошъ смерши
 „двѣнадцатилѣшняго Турченка. Онъ привезъ
 „его въ свой домъ, и содержалъ его вмѣстѣ
 „съ дѣшми своими. Онъ хошѣлъ мало по
 „малу внушишь ему любовь къ Свяшой на-
 „шей Вѣрѣ, и въ надеждѣ совершишь сіе
 „доброе дѣло, обходился съ нимъ какъ нѣж-
 „ный отецъ. Прошли многіе мѣсяцы: маль-
 „никъ, казалось, любилъ его. Однажды мой
 „пріятель, по обыкновенію своему, вышелъ
 „рано по утру служишь заупрению: какое
 „зрѣлище предсѣавилось ему по возвраще-
 „ніи! Жена и двое дѣшей его плавали въ
 „крови. Мы прибѣгаемъ на опчаянный вопль
 „его, и находимъ Турченка, скрывшагося въ
 „темномъ мѣстѣ съ самымъ пѣмъ ножемъ,
 „кошорымъ онъ зарѣзалъ спавшія свои жер-
 „швы! Мы схватили его: онъ, не запинаясь,
 „признался въ своемъ злодѣйствѣ, и когда
 „ему грозили смершью, вскричалъ: я зналъ,
 „что мнѣ не избѣжаешь погибели; но я радъ,
 „что мнѣ удалось умершвишь нѣсколько
 „эшихъ собакъ, кошорые намъ сдѣлали споль-
 „ко зла.

„Я самъ, продолжалъ Димитраки, обязанъ своимъ спасеніемъ только счастливному случаю. Въ одну ночь братъ мой, услышавъ шумъ на галлерей, вспалъ и увидѣлъ, что Турокъ, служившій у насъ, ищетъ, какъ бы отпереть дверь въ мою комнапу; увидѣвъ моего брата, онъ смѣшался, и не зналъ, что сказать въ оправданіе себя; мы пошъ же часъ его выгнали изъ дома.“

Примѣры сіи сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе, но я подумалъ, что Туркамъ нѣтъ причины питать такую же вражду ко мнѣ, какую питаютъ они къ Грекамъ, и удержалъ при себѣ моего конюшаго. Я былъ имъ доволенъ, и каждый день радуюсь, что нашелъ себѣ такого усерднаго служителя, думалъ только, какъ бы его болѣе привязать къ себѣ; но онъ убѣжалъ, укравъ лучшую мою лошадь, и перешелъ къ непріателю.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Миспры, пришли ко мнѣ хозяинъ и хозяйка, пожелавъ мнѣ добраго пути и счастья. Пошомъ просили они меня войти въ комнапу ихъ дочери, 18 лѣтней дѣвицы, прелестной и смышливой. Они сказали ей нѣсколько

словъ, послѣ чего она подошла ко мнѣ краснѣя, и прежде нежели я опомнился отъ удивленія, схватила мою руку и поцѣловала. Не стану описывать, что произвелъ во мнѣ этотъ обычай, столь для меня новый: я смѣшался и почти засыдился. Я ухалъ, волнуемый удовольствіемъ и какою-то мукою: я все еще чувствовалъ эту нѣжную руку, видѣлъ эту прелестную шею, и вмѣстѣ воображалъ дѣвственную спыдливоспъ юной Гречанки. (*)

Сии мысли скоро были изъ меня выпѣснены зрѣлищемъ шруповъ мужчинъ, женщинъ и дѣшей, валявшихся по сторонамъ дороги: они попадались намъ почти на каждомъ шагу; воздухъ былъ ими зараженъ! . . . Какая спрана! . . . и какое время! . . . Какой нечаянный переходъ отъ одного душевнаго движенія къ другому! . . . Меня обдало ужасомъ;

(*) Истинно народная черта красоты юныхъ Гречанокъ есть прелестная ихъ шея: благородство ея движеній и ея положеніе, столь замѣчательное въ древнихъ статуяхъ. Съ пріятностями, кои привлекаютъ и плѣняютъ, дѣвы Греціи совокупляютъ въ себѣ особенную осанливоспъ. *Сот.*

молча, подвигался я впередъ, и едва бросалъ разсѣянные взгляды на великолѣпную долину, расплывшуюся передъ нашими глазами, по мѣрѣ, какъ мы поднимались вверхъ, оставляя ее за собою. Мы миновали влѣвъ деревню Віашу, и остановились чрезъ мило далѣе въ Вурліи, гдѣ я видѣлъ одну монахиню, кошорая чистосердечно рассказала мнѣ, что при началѣ смященія она принуждена была убѣжать съ двумя своими подругами въ мужской монастырь. Я оставилъ эшу просподушную Калоеру, и проѣхавъ небольшую долину, пересѣкаемую прекраснымъ Римскимъ водопроводомъ, мы добрались до большаго селенія, кошораго имени не упомяну; дождь принудилъ насъ здѣсь ночевать.

Я выѣхалъ до разсвѣта, и слѣдовалъ непрерывно по печенію одной рѣчки, протекающей въ Аракову, и получающей отъ нее свое имя. Мнѣ встрѣчались многіе отряды военнопленныхъ, мужчинъ и женщинъ, кои шли изъ Триполицы въ Миспру за конвоемъ Спаршанцевъ.

Послѣ шруднаго путешествія по худымъ дорогамъ, я пробрался сквозь длинное ущелье

ліе, ведущее въ долину Триполицскую, и
прибывъ вечеромъ въ сей городъ, остано-
вился у Князя Ипсиланти.

Состояніе дѣлъ.—Кямилъ-Бей. — Пováльныя болѣзни. — Отъѣздъ Ипсиланти въ Аргосъ. — Прібытіе многихъ иностранныхъ Офицеровъ. —

Неудачное покушеніе противъ Анагли.

Оплучившись на мѣсяцъ, я нашель по возвращеніи, что дѣла нимало не подвинулись впередъ. Не было принято никакихъ распоряжительныхъ мѣръ, и большая часть вождей Пелопоннеза, имѣвшихъ вліяніе, часъ оцъ часу болѣе пропивились Князю Ипсиланти, или по не довѣрчивости, или изъ зависти, или можетъ быть и пошому, что не признавали въ немъ качествъ, необходимыхъ для управленія дѣлами. Они вѣрно слѣдовали принятому ими плану: чувствуя, что имъ должно избѣгать явной съ нимъ борьбы, они расчислявали, что время и ихъ упорная швердосць лишатъ его всего вліянія на людей просподушныхъ, которые не скоро распаются съ силою перваго впечатлѣнія.

Со всѣмъ шѣмъ Колокошрони, не шоль лукавый или болѣе рѣшительный, нанесъ первый ударъ его власнѣ, громко жалуясь

на то, что Правишеля Триполицы былъ выбранъ безъ его согласія: онъ даже сказалъ, разгорячась, что если это мѣсто не будетъ дано сыну его Панно, то онъ уйдетъ; что ему есть чѣмъ жить, и онъ увѣренъ, что его вездѣ хорошо примутъ. Однакожь успѣли его уговорить; онъ согласился на оставленіе выбраннаго Правишеля, съ тѣмъ только, чтобы объявлено было о его на то согласіи.

Депутаты Идры и Спецціи пріѣхали требовать скорѣйшаго созванія народнаго Совѣща, дабы положишь предѣлы возраспавшему безначалію, и уѣхали съ замѣшнымъ неудовольствіемъ.

Не смотря на то, возмущеніе распространялось далѣе, безъ плана, безъ определенной цѣли. *Смерть Туркама* — былъ общій кличъ; мгновенно каждый вооружался и наносилъ удары ближайшему врагу.

Частные мяшежи вдругъ вспыхнули въ Акарнаніи, въ Эполиі, на горѣ Олимпѣ, въ Кассандрѣ, въ Македоніи, и грозили возжечь всю Ромелію.

Посланные отовсюду пріѣзжали, требуя только начальниковъ и пороку.

На островъ Крипъ, отважные Сфакіопы, въ числѣ 800 человекъ, снабженные ружьями, подняли знамя крестное въ виду 20,000 непріятелей, которые славились, какъ храбрѣйшіе воины во всей Турецкой Имперіи. Успѣхи Сфакіоповъ доспашили имъ средства вооружить 3000 человекъ; они осмѣливались даже нападать на Турокъ у военныхъ ихъ городовъ.

Жицели Аппики и Эвбеи, овладѣвъ всею спраною, обложили Аѳины, Негропонъ и Кариспо.

Словомъ, повсюду пламенѣлъ жаръ воинскій и увѣнчивался успѣхами. Не боюсь утверждать, шеперь, когда шоль прекрасный случай, по видимому, ускользнулъ изъ рукъ—одинъ шолько Геллеспонъ полагалъ предѣлы надеждамъ Грековъ, если бы человекъ, способный къ шоль великимъ дѣламъ, умѣлъ соединить сіи разсѣянныя начала и слышь ихъ въ одно грозное цѣлое. Но гдѣ онъ? . . . Греція, разбивъ свои оковы, опыскала своихъ воиновъ—но ни одного изъ шѣхъ славныхъ мужей, кои созданы, чшобы покарать себѣ случайности и повелѣвать людьми.

Ипсиланши разсылаѣ повсюду военачальниковъ, но худо ихъ выбиралъ. Всѣ его усилія помочь жишпеламъ горы Олимпа ограничилисъ пѣмъ, что онъ послалъ имъ двѣ пушки. Еслибъ имъ лучше вспомошествовали въ отважномъ ихъ предпріятіи, то они могли бы подашь руку инсургентамъ Пинда, и сошпавили бы съ ними швердый оплошь.

Въ Пелопонезѣ умы всѣхъ заняшы были Коринѣомъ; всѣ чаяли, что онъ скоро сдаспся чрезъ посредство Кямилъ-Бей, взяпшаго въ Триполицѣ, гдѣ онъ заперся съ начала войны, бывъ опрѣзанъ опъ своего Правительсшва, когда возмущеніе вспыхнуло. Думали, что изъ сокровищъ сего богашаго вельможи можно будепъ сошпавишь военную кассу. Въ этой мысли и здѣсь поговаривали, какъ въ Триполицѣ, опложишь сошпавленіе временнаго Правительсшва до взятія сей крѣпости.

Хишрый Кямилъ-Бей, котораго попеременно то ласкали, то спращали, усыпалъ своихъ враговъ обѣщаніями, и внушпенно смѣялся надъ суешною ихъ увѣренностію, что онъ спспарается предашь въ ихъ руки шполь надежную крѣпость, въ коей были

запершы его жена, дѣши, а всего болѣе его богашство, вѣрная порука за хорошіе съ нимъ поступки и заступленіе нѣкошорыхъ Полководцевъ, ослабленныхъ сребролюбіемъ

Сей Турокъ былъ уменъ и сносилъ свое несчастіе съ швердоспїю. Онъ часпо обѣдывалъ у Князя, и я всегда съ новымъ удовольствіемъ видѣлъ его, веселымъ, почти любезнымъ, пьющимъ за счастливые успѣхи Грековъ и за ихъ дружбу. -

Родъ его опѣ опѣа къ сыну правилъ обласпями Коринѣскою и Сикіонскою, и нажилъ несмѣшныя богашства. Онъ еще ихъ умножилъ, не опягощая народа, кошорый изъ благодарности выхвалялъ его добродѣшель. Кямилъ-Бей спрого наказывалъ своихъ подчиненныхъ за несправедливости, а самъ довольспивовался шѣмъ, что прибиралъ къ своимъ рукамъ всѣ произведенія сихъ обласпей въ урожайные годы, и продавалъ ихъ въ нсурожайные по шакимъ цѣнамъ, какія ему хотѣлось наложить. Когда благопрїятный случай сбылъ ихъ съ рукъ не скоро представлялся, шо изъ опасенія, чпобъ они не попорпились въ кладовыхъ, Кямилъ-Бей мѣнялъ ихъ на равное количе-

ство произведеній того года; и симъ способомъ почти всѣ деньги сыпались въ его сундуки. Тѣ изъ жишелей, копорые по бѣдности не въ состояніи были сами обрабатывать земель своихъ, продавали ему оныя за дешевую цѣну, такъ, что онъ сдѣлался подѣ конецъ владѣльцемъ всей управляемой имъ страны.

Таковъ былъ самый лучший Турокъ во всей Моревѣ, копорого и теперь еще прославляютъ за крошечность и доброту.

Повальная болѣзнь, опустошавшая Триполицу во время осады, и теперь еще усилившаяся по взятіи сего города, отъ великаго числа шруповъ, заражавшихъ воздухъ, ужасно распространилась между побѣдишелями. Сіи неблагоразумные, въ упоеніи отъ ихъ успѣха, черпали съмена заразы въ дорожныхъ коврахъ, роскошныхъ подушкахъ и пышныхъ одеждахъ, украсившихъ ихъ шоржество; они внесли язву въ нѣдра собиственныхъ семействъ съ сими профетями. Скоро весь Пелопонезъ и острова были постигнуты сею карою, ужаснѣйшею меча непріятельскаго. Сколько храбрыхъ пало предъ глазами моими въ страшныхъ мукахъ; преж-

де нежели было дознано, что одни сильныя кровопусканія могли спасти ихъ отъ смерти! Пережившіе носили на себѣ роковыя знаки, и счастливы были, когда головы ихъ были отъ того подвержены только долговременному разслабленію. Въ это время Эллины, ко всеобщей горести, лишились въ числѣ другихъ знаменитыхъ согражданъ краснорѣчиваго Епископа Гелосскаго, коего гласъ внушалъ Грекамъ отвагу и увѣренность. Сей почтенный служитель Церкви снизшелъ во гробъ, сопровождаемый скорбію всего войска, въ копоромъ укрѣплялъ онъ добрую волю и поселялъ ревность къ Святой Вѣрѣ.

Князь Ипсиланти, думая, что спрхъ сей болѣзни препятствоваль соединенію войскъ, копорого онъ ожидалъ въ Триполицѣ, отправился 13 Ноября въ Аргосъ, съ главнѣйшими военачальниками и многими депутатами обласшей. Прочіе не могли долѣ медлить прибытіемъ своимъ на общій зовъ.

По двухчасовомъ пуши, мы пріѣхали на мѣсто, гдѣ долина начинается суживающа; между небольшою рѣчкой и подножіемъ горы. Здѣсь-то Эллины пожали первые свои

лавры. Въ Долянѣ, Никиша *Туркоѣдѣ*, какъ его прозвали, съ 80 Греками удерживалъ пять часовъ сряду Кіая-Бея, провожавшаго спол подводу съ съѣзными припасами; у него было 3000 человекъ, въ числѣ коихъ 500 конныхъ. Около 200 поселянъ, бывъ съ сосѣднихъ вершинъ зрители сего побоища, и видя, что дѣло рѣшено, сошли съ горъ и соединились съ Никишкою. „Теперь-то вы „пришли, *Кератадесы*; но нужды нѣтъ! смѣ- „лѣе на нихъ.“ При сихъ словахъ Никиша, съ саблею въ рукѣ, бросился съ малою своею дружиною на непріятеля. Въ сей сшибкѣ братъ Кіая-Бея смертельно раненъ, Али-Бей убитъ, а самого Кіаю спасли отъ пораженія только быстрыя ноги его коня. Оба сии Бея, при напискѣ, закрывали себѣ глаза лѣвою рукою. Сіе движеніе сполъ необыкновенно, что его нельзя было не замѣтить. Оно вошло въ обычай у Турокъ, которые, по слуху о храбрости, отвращающъ взоръ, какъ бы боясь, чтобы смерть, являсь имъ, не показалась слишкомъ ужасною, и чтобы человѣчество не оробѣло передъ нею.

Мы проѣхали цѣпь горъ одною изъ двухъ узкихъ и дурныхъ пропиаокъ, называемыхъ Каки-скала: онѣ прорѣзаны по краямъ пропащи; другаго пути здѣсь вовсе нѣтъ. Потомъ спустились мы въ небольшую, обробошанную долину, и оставивъ влѣвъ селеніе Акладакамбо, лежащее въ 5 миляхъ отъ Триполицы, взобрались на другія, высокія горы, съ вершины коихъ скоро увидѣли прекрасную долину Аргосскую, острова Идру и Спецію, покрытые облаками, городъ Анапли и Англійскій бригъ, который привезъ ему съѣстныхъ припасовъ, въ то самое время, когда онъ готовъ былъ сдаться.

Во всю жизнь мою не забуду радости и восторга жителей Арголіды, бѣжавшихъ на встрѣчу намъ толпами. Женщины, падая на землю, безпрестанно крестились, видя въ насъ какъ бы Ангеловъ-спасителей, изсланныхъ съ неба; мужчины, съ оружіемъ въ рукахъ и построясь въ ряды, привѣщивали насъ ружейными выстрѣлами и громкими восклицаніями.

Городъ Аргось былъ сожженъ въ началѣ войны; мы помѣстились въ нѣсколькихъ Турецкихъ домахъ, уцѣлѣвшихъ посреди разва-

динъ. Ипсиланти получили письмо отъ Сицилійскаго Полковника Князя Спарабы, который увѣдомлялъ его о своемъ прибытіи въ Каламашу съ 40 Офицерами разныхъ степеней и чиновъ. Тотчасъ было отправлено судно для перевезенія ихъ въ Аргось,

Піемонтскій Полковникъ Тарелла и Французскій эскадронный Командиръ Даніа явились къ Ипсиланти; они прибыли сюда за нѣсколько дней; но узнавъ о скоромъ его пріѣздѣ, останавливались въ ожиданіи его при осадѣ Анапли. Послѣдній изъ нихъ просилъ Князя переговорить съ нимъ наединѣ, и предложилъ планъ для приступа къ сему городу.

Въ слѣдствіе сего, я отправился, дабы увѣришься въ возможности онаго. Осмотрѣвъ все и собравъ нужныя свѣдѣнія, возвратился я въ убѣжденіи, что намъ невозможно съ войсками, худо вооруженными и непривычными къ войнѣ и воинскому порядку, овладѣть силою симъ городомъ, въ которомъ находился хорошій гарнизонъ: только время могло его предать въ наши руки. Однакожь Даніа, слушаясь болѣе храбрости своей и непомѣрнаго желанія оплечиться,

нежели благоразумія, искусно воспользовался пылкостью войскъ, ободренныхъ взятиемъ Триполицы, и успѣлъ наконецъ въ помъ, что планъ его былъ принятъ.

Рѣшено было сдѣлать нападеніе на Анапли въ одно время съ суши и съ моря. Въ Идру и Спецію посланы были повелѣнія заготовить лѣспницы, вооружить 12 судовъ и 40 канонерскихъ лодокъ; на всѣхъ сихъ судахъ долженствовало быть 2000 чело-вѣкъ экипажа.

Въ это время Англійскій бриггъ выгружалъ съѣстные припасы, и намъ не было возможности ему въ помъ попрепятствовать. Стоя на якорѣ подъ Турецкими баш-шарями, онъ какъ бы насмѣхался и надъ войскомъ, осаждавшимъ Анапли, и надъ су-дами, крейсировавшими по заливу; я думалъ, что мы могли еще заставить его въ помъ раскаяться и помѣщать совершенной его выгрузкѣ.

Я замѣтилъ, что гарнизонъ малой крѣ-пости, защищающей входъ въ приспаны, ходитъ каждое утро въ городъ, осматривая въ крѣпости только восемь или десять чело-вѣкъ. Сіи послѣдніе, сидя у воротъ, грѣлись

на солнцѣ, не обращая вниманія на машпро-
совъ бригга, ходившихъ взадъ и впередъ для
сноски припасовъ. Изъ сего я заключалъ, что
намъ можно овладѣшь крѣпосщцою, и про-
гнать это досадное судно. Чувствуя всю
важнось сего неожиданнаго дѣйствія, за-
копорымъ могло послѣдовать покореніе Анап-
ли, я хотѣлъ принять оное на себя. Для
сего взялъ я двѣ вооруженныя лодки съ бо-
человѣками опборнаго войска, и малый двухъ-
весельный челнокъ, для опправленія прямо
на бригъ одного Офицера, говорившаго по
Англійски. Нельзя было его не принять, и
онъ долженъ былъ сказать Англичанамъ: „Вы
окружены, но вамъ никакого зла не сдѣла-
юшь, если вы не станете кричать; мы хо-
пимъ только скрыпно дождашься разсвѣша
на вашемъ бриггѣ.“

Ночь была шиха и мрачна; мы плыли въ
молчаніи, и вошли въ крѣпосщцу, не бывъ
замѣчены. Должно было пущъ опстановишь-
ся, прислушивашься, все ли спокойно и до-
жидашься знака съ двухъ-весельной лодки.
Мы слышали, какъ караульные разговарива-
ли надъ нашими головами, видѣли огонь опъ
ихъ шрубѣкъ: опасносщъ была велика, поги-

белъ наша была несомнѣнна, если бы наше предпріятіе не удалось въ полной мѣрѣ. Сіе минушное ожиданіе и ночный холодъ поселили горестныя размышленія въ моеи маленькой дружинѣ, кошорой я успѣлъ внушить рвеніе. Спеціалскій Капишанъ, командовавшій другою лодкою, удалился, гребя съ шумомъ, и не слушая никакихъ представлений храбраго Капишана Жюспена: мнѣ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ за нимъ слѣдовать.

Англичанинъ, боясь новаго покушенія, отправился въ слѣдующую ночь, и взятъ былъ нашими крейсерами. Будучи приведенъ къ Ипсиланпи, онъ показалъ своимъ замѣшательствомъ, что чувствуетъ всю свою вину, и оплакивалъ только слезами на жестокия укоризны, ему сдѣланныя. Онъ признался намъ, что при другія судна снаряжены тѣмъ же самымъ Англійскимъ торговымъ домомъ, для снабженія запасами осажденных Турецкихъ приспансей.

Положеніе несчастныхъ Грековъ было таково, что они принуждены были опустить сего виновнаго купца, удовольство-

вавшись только шѣмъ, что отобрали отъ него свѣдѣнія о состояніи крѣпости.

Мы каждый день обучали свои войска; частыя спычки приучали ихъ къ войнѣ, но у насъ такъ много было больныхъ, что не смотря на великое число приславшихъ къ намъ Греческихъ изгнанниковъ, по недоспап-ку денегъ, Балеспъ не могъ укомплектовать своего полка. Мѣры такъ худо были приняты, что недоспапокъ въ сѣспныхъ припасахъ часто причинялъ самые непріятные безпорядки. И что за сѣспные припасы? . . . Наши солдаты почиали себя счастливыми, когда имъ доставалось по полуфунту дурнаго хлѣба на день.

Флоппилія прибыла; лѣспницы были освящены съ большею церемоніей, и приступъ назначенъ 16 Декабря до разсвѣта.

Вечеръ прошелъ въ пѣсняхъ и пляскахъ. Племянникъ Бубулины явился къ Князю со многими музыкантами, и заставилъ пѣть пѣсни Тиршея Θεσσαλійскаго, пѣсни, весьма удобныя воспламенить пылокое воображеніе народа, всегда алчнаго къ славѣ. Музыка ихъ имѣетъ что-то необыкновенное, и нравишся въ кругу людей вооруженныхъ. Я спро-

тилъ у нашего Амфипріона, для чего даеши-ся эптопъ концерптъ? Онъ ошвѣчалъ мнѣ съ какимъ-то чиспосердечіемъ: „Сего дня мы живы; кто знаетъ, что завтра съ нами будетъ? Сшанемъ наслаждаться послѣднею минутою, кошорая, можетъ быть, оспашеся намъ въ этой жизни.“

Городъ Аналли построень на кося, на кошорую нельзя иначе пройши, какъ по узкой площинѣ между моремъ и высокимъ ушесомъ, на коей споишъ крѣпость Паламида. Ошшоманы овладѣли ею съ пошерею 15,000 человекъ подъ ея спѣнами. Самъ городъ хорошо укрѣплень, за исключеніемъ спороны ошъ шаможни, гдѣ обходишъ вокругъ его шолько просшая спѣна; но крѣпостица, пошпросиная на скалѣ при входѣ въ приспань, защищаешъ эту спорону (*).

(*) И передъ сею-то крѣпостію Колокошрони говорилъ своимъ солдатамъ: Дѣши! я перебросшу палку мою черезъ эти высокія спѣны, а вы пойдете и мнѣ ее доставите.—Меня удивили сіи слова, напоминающія подобноежъ выраженіе одного великаго Полководца, о кошоромъ вѣрно Колокошрони никогда не слыжалъ. *Сог.*

Колокошпрони долженъ былъ вести фальшивую атаку со стороны Паламиды, а между тѣмъ должно было пышаться взлѣзть на стѣну близъ городскихъ вѣрстъ. Корпусъ, осаждавшій Анапли съ начала войны, былъ подъ предводительствомъ Никипы, и не хотѣлъ никакимъ другимъ войскамъ уступить чести — идти первому на стѣну; регулярныя же войска назначены были поддерживать атаку. Мы вышли изъ лагеря въ два часа по полуночи; темнота способствовала намъ приблизиться; не бывъ замѣчены отъ осажденныхъ, мы въ молчаніи заняли мѣста; лѣстницы понесены были впередъ.

Глаза всѣхъ обращены были на гору Св. Или; огонь, зажженный на ея вершинѣ, долженствовалъ быть сигналомъ. Наконецъ онъ засверкалъ. Колокошпрони началъ приступъ — и скоро онъ сдѣлался общимъ. Осажденные, бывъ предупреждены движеніями, замѣченными ими за нѣсколько дней, не дремали, и отвѣчали сильнымъ огнемъ. Удивленные Эллины остановились, и удобная минута была потеряна. Однако жъ мы выдерживали перестрѣлку даже спустя часъ по разсвѣтъ, дабы чрезъ сію диверсію спо-

собсшвоватъ флосшилїи веспи апаку близъ шаможни; но безвѣпрїе оспановило суда, долженсшвовавшія прикрыватъ высадку съ канонерскихъ лодокъ, и мы принуждены были думатьъ объ ошсшупленїи. Намъ не было другаго прохода, кромѣ плошины, въ кошпую направлены были семь пушекъ съ города и весь огонь крѣпоспи Паламиды.

Безъ всякаго увеличиванїя могу сравнить съ падающимъ на воду градомъ дѣйсшвіе пуль, взрывавшихъ пыль подъ нашими ногами. Въ сей неминуемой опасноспи, я видѣлъ, что солдаты оспанавливались и брали къ себѣ на плеча раненыхъ своихъ шоварищей; многіе даже, по набожному чувсшву, несли ихъ на себѣ уже умершихъ (*).

(*) Въ военномъ совѣтѣ, собранномъ мною въ Триполицѣ, одинъ пресшупникъ по заочноспи присужденъ былъ къ смерпи. Перемѣнивъ имя свое и поведенїе, въ послѣдсшвіи онъ приспалъ ко мнѣ, и слѣдовалъ за мною съ величайшимъ усердіемъ. Я замѣпилъ его храбросп въ многихъ случаяхъ. Въ этомъ дѣлѣ, съ него сорвало голову подлѣ меня, и тогда шолько, при изъявленныхъ мною знакахъ сожалѣнїя, мнѣ открыли, что онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. *Сог.*

Осажденные, ободрясь своимъ успѣхомъ, съ этого времени чаще дѣлали вылазки, и сами осмѣлились напасть на насъ. Сія неудачная попышка по крайней мѣрѣ убѣдила насъ въ бесполезности новыхъ покушеній покорить Анапли силою, и при ней оставлено только число войска, необходимое для продолженія осады.

Конецъ первой части.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ СЕЙ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Напечатано

Читай.

Слран. Слрок.

9 —	18 осужденные	осажденные
15 —	въ прилѣж.	
	1—2 <i>toi jeune</i>	<i>toi jeune</i>
55 —	14—15 разпроспранившейся	разпроспранившейся
106 —	10—11 мо режъ	морезъ
113 —	1 былъ	былъ
114 —	19 Еллиновъ,	Эллиновъ,
123 —	19 благодарноснѣ	благодарноснѣ
126 —	7 на смернѣ какъ	на смернѣ, какъ
145 —	6 ведешъ	ведешъ
